

ПОЛИНА ЛУГОВЦОВА

16+

ТИХОМОРЬЕ

Тайны ледяного подземелья

Полина Луговцова

**Лихоморье. Тайны
ледяного подземелья**

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Луговцова П.

Лихоморье. Тайны ледяного подземелья / П. Луговцова —
«ЛитРес: Самиздат», 2021

Крайний Север – зона вечной мерзлоты, в его недрах нет ничего живого. Но почему-то из провала в земле рядом с хантыйским кладбищем слышатся странные звуки. Иногда они похожи на плач брошенных младенцев, порой – на хохот буйнопомешанных, а бывает, из глубины ледяного подземелья доносится протяжный злобный вой. Среди местных жителей ходят слухи о существах с птичьими телами и человеческими лицами, которые обитают в заброшенном мерзлотнике рядом с опустевшим поселком геологов. Но никому и в голову не придет пойти туда и проверить, так ли это на самом деле. Однажды Тильда спускается в холодный и темный мир, полный зловещих тайн, хранящихся там веками.

Содержание

Сюрприз	6
Маньяк	13
Мерзлотник	23
Небесные дүхи	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Полина Луговцова

Лихоморье. Тайны ледяного подземелья

*Пытаюсь стереть ирамы, звездное небо касается наших сердец.
Ким Хен Джун «Звездное небо»*

*У Лихоморья – ель густая,
Таится зло в тени ветвей,
Над елью кружит птичья стая,
Завидев что-то у корней.
А под корнями – мрак подземный,
Незримый страж во мраке том
И день, и ночь, один, бесменный
Все бродит в склепе ледяном.
Идет направо – вьюгой воеет,
Налево – бурей заревет,
Века не ведая покоя,
Обещанную жертву ждет.*

Сюрприз

Чертова книга! Это оказалась всего лишь дурацкая старая книга! Несколько сотен пожелтевших от времени листов, заключенных в твердый переплет из грубой темно-коричневой кожи, – вот ради чего он только что отказался от огромного состояния, включавшего, помимо современного особняка, в котором этим утром преставился его отец, еще и банковский счет на внушительную сумму, а также тысячи квадратных метров жилой и коммерческой недвижимости в центре крупного города. Любопытство вновь сыграло с ним злую шутку. Наверное, покойный предок хохочет над ним сейчас, отплясывая на раскаленных углях в преисподней! Старый интриган! Не мог даже завещание написать по-человечески! Вечно изъяснялся загадками, отчего казалось, что его дряхлое нутро битком набито жуткими секретами, и даже перед смертью этот хитрец остался верен себе: выкинул фортель в своем духе!

А как замечательно началось сегодняшнее утро! Как разыгралось воображение после звонка нотариуса, сообщившего ему о безвременной кончине престарелого папаши! Особенно воодушевило то, что нотариус порекомендовал держать в тайне эту новость до подписания документов, для чего просил незамедлительно подъехать в его офис.

– Марк Святозарович Костин? – уточнил клерк, когда он переступил порог крошечного пыльного кабинета, в котором вся мебель была завалена кипами бумаг – не только длинный рабочий стол у окна и стеллажи вдоль стен, но и тумбочки, стулья, даже диванчик и небольшой столик, предназначенные для клиентов.

Похоже, дела у душеприказчика шли не очень успешно: признаков наличия у него секретаря нигде заметно не было. Маленький серый человечек с застывшим выражением скорби на лице – скорее всего, фальшивым – предложил Марку присесть на диванчик, одним движением сдвинув в сторону бумажные горы, и тут же юркнул куда-то в угол, скрывшись за стеллажами. Загремели ключи, раздался металлический скрежет отпирающегося замка, и вскоре нотариус вынырнул из укрытия с пластиковой папкой под мышкой и объемным свертком в руках, покрытым круглыми кровавыми отметинами сургучных печатей. Он поместил сверток на столик перед Марком, ловким движением руки придвинул офисный стул и сел напротив, сообщив, что собирается зачитать завещание. Потом, спохватившись, монотонным голосом выразил соболезнования, и его бледное лицо скрылось за разворотом папки.

Во время перечисления нажитого предком имущества Марк испытал благоговейный трепет в душе, осознав, что находится на пороге нового этапа в своей жизни, знаменующего окончание серых будней и начало счастливой сказки. С каждым словом нотариуса мир вокруг стремительно менялся: в мрачной обстановке кабинета проступил магический шарм, дешевая пластиковая папка в руках клерка теперь казалась священной скрижалей, его бесцветный невыразительный голос обрел глубину и торжественность, а сам он, неприметный тщедушный человечек, чудесным образом перевоплотился в авторитетную личность вроде мудреца или пророка.

Безвременная кончина отца не вызвала у Марка ни малейшего намека на скорбь. Все его воспоминания о покойном предке складывались из рассказов матери, сплетен ее родни и новостных заметок. В родне всегда ходили слухи о несметном богатстве отца, но точного размера его состояния никто не знал. Старик ни с кем не делился подробностями своей жизни, держался в стороне и жил на широкую ногу, ни в чем себе не отказывая. Помимо Марка, у него были еще дети, и вряд ли он сам мог бы назвать их точное количество. Отец развелся с матерью Марка почти сразу после его рождения, и дальше мать узнавала о бывшем муже только из светской хроники, где о нем говорилось как о бизнесмене, стремительно прибирающем к рукам бизнес и недвижимость.

Всего за несколько лет старина Святозар стал заметной фигурой в городе и привлек к себе всеобщее внимание. Многие интересовались его прошлым, но весь период его жизни, предшествующий женитьбе на матери Марка, был покрыт непроницаемой тайной. Никому так и не удалось выяснить, откуда он был родом, чем занимался до того, как приехал в город, имелись ли у него еще родственники кроме жен и детей, которыми он обзаводился с поразительной скоростью. За Святозаром повсюду следовала целая свита людей, состоявшая из важных персон и охраны. В новостях, освещавших важные городские мероприятия, мелькали кадры, на которых Святозар появлялся рядом с губернатором и другими высокопоставленными чиновниками, и никто из горожан не мог понять, как ему удалось добиться такого расположения. Позже обнаружилась еще одна странность: время шло, а годы не оставляли отпечатка на внешности Святозара, в то время как все, кто давно знал его, заметно постарели. Поползли слухи о связи счастливого с нечистой силой, о проданной дьяволу душе и вселившейся в него демонической сущности, но говорили об этом тревожным шепотом, будто опасаясь, что объект обсуждения услышит их даже на расстоянии. Звучали и более приземленные обвинения: что состояние его нажито жульничеством, а может, даже и криминальным путем – ведь известно, что честным способом никогда так не разбогатеть. И то, что он хорошо сохранился, тоже объяснимо: с такими-то деньгами наверняка и от старости лекарство можно купить. Но реалистичные предположения высказывали все реже, и постепенно окрепло всеобщее убеждение в том, что Святозар, если и не демон, то служит ему. Порой в пересудах горожан угадывалась зависть, будто они и сами готовы были послужить кому угодно ради такого богатства, если бы только знали, как это сделать.

Но однажды все заметили, что Святозар сдал.

Казалось, он съезжился в считанные дни, подобно упавшему с дерева яблоку. Все прожитые годы, которых, как подозревали некоторые, было не меньше семи, а то и восьми десятков, неожиданно проступили на его лице глубокими морщинами, похожими на порезы, осели на нем тяжким грузом, пригнув к земле, сковали суставы, и те зашлись дружным хрустом во всех конечностях. Одряхлевший Святозар, которого успели заметить на улице с тросточкой, вскоре перестал появляться на людях и заперся в загородном особняке, по всей видимости, приготовившись умирать. Там последний раз Марк его и увидел, и было это примерно с месяц назад. Он так и не понял, зачем отец его пригласил, ведь они даже не разговаривали, потому что у Святозара возникли проблемы с речью. Старик лежал в постели и смотрел на него, стоявшего в изножье кровати, из-под полуприкрытых век. Марк даже не был уверен в том, что предок его видит: глубоко ввалившиеся глаза Святозара были непроницаемы, как у мертвеца, и только вздымавшийся над подбородком край пышного одеяла свидетельствовал о том, что тот еще дышит. Когда морщинистые веки, вздрогнув, поползли друг к другу и сомкнулись, Марк постоял еще с минуту и вышел с таким чувством, будто побывал на смотринах.

Непонятно, почему отец решил завещать все именно Марку. Никакого внимания старый Святозар к сыну никогда не проявлял, к тому же у него были и другие дети. Наверняка претендентов на наследство найдется немало, и когда они узнают, что от огромного каравая им не перепало ни крошки, тут же начнут какую-нибудь судебную возню, чтобы отхапать хоть что-нибудь, но Марк был уверен, что, добравшись до денег первым, решит эти проблемы без труда. Делиться свалившимся на него богатством он точно ни с кем не собирался!

К своим двадцати годам Марк успел наделать долгов: он нигде не учился и перебивался случайными заработками, ненадолго устраиваясь куда-нибудь только ради справки о доходах, необходимой для оформления очередного кредита. Судебные приставы денно и нощно вели на него охоту, но до сих пор ему удавалось ловко скрываться от них. Номер телефона был известен только самым близким друзьям, а на съемных квартирах он никогда не задерживался дольше месяца, и если доверчивые хозяева не брали с него денег вперед, то оставались вовсе без оплаты: Марк покидал арендованное жилье по-английски, без предупреждения. Поэтому

он страшно удивился, когда ему позвонили и пригласили приехать к отцу – старик не знал его номера, и Марк вначале заподозрил подвох, подумав, что приставы хотят таким образом выманить его из укрытия. Звонивший объяснил, что отец поручил ему разыскать старшего сына, потому что находится при смерти. Только тогда Марк неохотно согласился и поехал по указанному адресу. А после визита долго ломал голову, пытаясь понять, для чего отец его позвал.

Теперь же ему в голову пришло забавное предположение: что, если старик просто-напросто не смог вспомнить больше никого из своих последующих отпрысков? Может быть, у него началось что-то вроде склероза, подыдающего именно последние воспоминания, поэтому в памяти остался только первый сын? Гадать можно было сколько угодно, но Марку было не так уж важно, выбран ли он наследником по причине внезапно проснувшейся отцовской любви, провалов в памяти или же ему просто повезло. Зато теперь он сможет расплатиться со всеми долгами, сумму которых даже не знал, но предполагал, что она довольно внушительная. Потом можно будет распродать всю недвижимость и бизнес и перебраться за границу. А там уже пуститься во все тяжкие!

Марк мечтательно возвел глаза к потолку, подумав о Лас-Вегасе – городе-празднике, где люди живут в режиме непрекращающейся вечеринки. Странно, что отец с его деньгами всю жизнь прозябал в провинциальном городке, не имеющем никаких достойных развлечений. Как только наследство обратится в хрустящие бумажки цвета пыльной травы, Марк сразу помчится на поиски лучшего места под солнцем. Перед его затуманенным взором одна за другой возникали картины роскошной жизни, стеллажи в кабинете нотариуса представлялись высотными зданиями фешенебельных отелей, заваленный бумагами офисный стол казался игорным, обтянутым зеленым сукном и усыпанным разноцветными фишками и картами, а вместо монолога клерка чудилось, как крупье торжественно и громко объявляет его выигрыш.

Но вдруг голос нотариуса смолк.

Марк вынырнул из пучины грез в постылую реальность и выжидающе уставился на душеприказчика, с удивлением отметив, что тот отчего-то сильно нервничает: на лбу, прикрытом жидкими серыми волосенками, проступили крупные бисерины пота, а лицо исказилось от внутреннего напряжения.

– Так вы закончили? – уточнил Марк и довольно потер руки, готовясь подписывать документ о вступлении в наследство.

– Н-нет... – Клерк запнулся, помялся, подбирая слова, и, наконец, выпалил скороговоркой: – Я прошу вас сосредоточиться и внимательно выслушать условие, которое вам необходимо выполнить для получения наследства. Если вы что-то неверно поймете, после подписания бумаг изменить ваше решение будет невозможно.

– Какое еще условие? – Мечтательный трепет в груди резко прекратился, сменившись тревогой.

– Если вы готовы слушать, я могу начать.

Капля пота сползла со лба клерка и устремилась к кончику носа. Страхивая ее тыльной стороной кисти, он чуть не выронил папку, но успел подхватить её в последний момент. На черной пластиковой корочке, там, где он прикасался к ней секунду назад, остался влажный отпечаток растопыренной пятерни. Бедолага явно чего-то боялся, и Марк уже сгорал от любопытства, спеша узнать, в чем дело.

– Конечно, начинайте! – нетерпеливо воскликнул он.

И клерк заговорил снова, на этот раз еще тише, будто не хотел, чтобы клиент слышал его.

– А можно погромче? Вы шипите, как проколота шина, ни слова не разобрать! – потребовал Марк и подался вперед, положив локти на стол для подписания документов и обратившись в слух. Левый локоть резко уперся в сверток, оставленный клерком, и немного сдвинул его к краю. По ощущениям, внутри лежало что-то не очень тяжелое.

– Извините! – Нотариус прерывисто вздохнул и, набрав в легкие воздуха, заговорил более внятно. – Итак, вступление в наследство возможно лишь в том случае, если вы собственноручно и немедленно сожжете пакет, лежащий сейчас на столе перед вами. Такова воля вашего покойного отца, который поручил мне засвидетельствовать ее выполнение.

– Сжечь пакет? – Растерявшись от удивления, Марк придвинул сверток к себе и начал поворачивать его на столе, придиричиво разглядывая. – А что внутри?

– Открывать запрещено! – протестующе закричал клерк тонким пронзительным голосом, и когда Марк от неожиданности отдернул руки, добавил уже спокойнее: – Это сюрприз. Если вы сломаете хотя бы одну печать, то будет считаться, что вы выбрали сюрприз вместо наследства.

– Ах ты, старый прохиндей! – Марк откинулся на спинку дивана и расхохотался во все горло, не замечая, что клерк принял его слова на свой счет и съежился, по-черепашьи втянув голову в плечи. На самом деле ругательство относилось к покойному предку: его странное условие показалось Марку забавной шуткой. Вдоволь насмеявшись, он взял сверток в руки, покачал, определяя вес, и пустился в безмолвные размышления: «Даже если внутри и есть что-то ценное, вряд ли оно окажется дороже, чем остальное наследство. Для чего же старик заставил меня выбирать? В чем подвох? Что там? Шкатулка с секретами? Старый колдун решил ими со мной поделиться? Но почему таким варварским способом?! Неужели нельзя было отдать все вместе – и наследство, и секреты? Что ты задумал, старый хитрый лис Святозар?» Вначале Марк был уверен, что с легкостью откажется от «сюрприза»: выбрать котика в мешке вместо внушительного состояния мог только полный безумец. Но чем дольше он думал об этом, тем сильнее его терзали сомнения. Вспомнились слухи о невероятной везучести предка (говорили, что деньги сами шли ему в руки), о его власти над людьми (полагали, что он негласно правил всем городом, отдавая указания высокопоставленным лицам), о его удивительной молодости (отец совершенно не старел, хотя мать рассказывала, что он был в преклонном возрасте уже тогда, когда они только познакомились, причем узнала она об этом из его паспорта, а до этого считала, что ему примерно на два десятка лет меньше). Святозар лишь перед самой смертью резко высох, но таким его почти никто не видел.

– А сколько лет было моему отцу? – Марку внезапно захотелось узнать возраст покойного родителя.

– Восемьдесят семь, если верить последнему паспорту, который он сменил двадцать лет назад, – ответил клерк и добавил после короткой паузы:

– Но я запросил данные из архивов и обнаружил, что в его предыдущем паспорте год рождения отличается, а значит, в каком-то из этих паспортов допущена ошибка.

– И сколько лет ему, получается, по старому паспорту? – Марк был заинтригован.

– На три десятка больше, – вымолвил клерк еле слышно.

Марк присвистнул:

– Сто семнадцать? Ну, точно, ошибка!

Хотя на самом деле он подозревал, что ошибка допущена именно в последнем документе. Подбрасывая в руках увесистый сверток, Марк уже сомневался в том, что готов от него отказаться. Внутри точно должно быть что-то бесценное! Мистическая тайна, способная открыть путь к успеху, богатству и власти, которыми обладал его отец. Нестерпимо захотелось взглянуть на содержимое свертка. Оберточная бумага надсадно хрустела в его судорожно сжимающихся пальцах, грозя разорваться. Сургучные крошки посыпались на стол. Марк осмотрел пакет, испугавшись, что уже вскрыл упаковку, но все печати были еще целы, лишь слегка потрескались.

Послышался звук, как будто по полу волокли что-то тяжелое, и это отвлекло его от разглядывания пакета и прервало на время муки выбора. Над офисным столом вздымалась согнутая спина нотариуса, а голова скрывалась под столешницей. Он гремел там чем-то и вскоре вытащил наружу большой металлический ящик.

– Вот. Специально приготовил для сжигания. Ведь вы собираетесь сжечь его, я полагаю?

– Да, конечно. – Марк поднялся с дивана и направился к ящику со свертком в руках, думая о том, что надо бы поскорее покончить с этим, пока он не совершил самую ужасную ошибку в своей жизни.

– Тогда вот, возьмите, пожалуйста. – Клерк подал ему спички и бутылку с жидкостью для розжига.

Марк собирался бросить сверток в ящик, но не мог решиться: казалось, тот прирос к рукам.

– Кому достанется наследство, если я не вступлю в права? – спросил он.

Вопрос застал нотариуса врасплох. Глаза его забегали, из горла вырвался нечленораздельный звук, похожий на козье блеянье.

– Так что скажете? – неумолимо наседал Марк.

– Я дал слово о неразглашении. Это тайна, я не имею права.

– Папаше теперь все равно! За разглашение он уже не спросит!

– Это невозможно. Есть еще люди, которые все это контролируют. Тут все прослушивается, понимаете?! – причитал душеприказчик. – Они близко... Если что-то пойдет не так, нам с вами несдобровать! Делайте свой выбор, ради Бога, и уходите!

Марк шумно выдохнул и с силой покрутил головой из стороны в сторону, так, что под основанием черепа хрустнули позвонки. Все это ему решительно не нравилось! Что за игру затеял отец? Решил поиздеваться над ним? Но зачем? Ведь его мук он не увидит, а значит, и удовольствия от этого не получит! В чем же заключается смысл этой странной игры? Зачем старик пригласил его к себе перед смертью? Что он хотел в нем разглядеть?

Мысль о том, что надо отказаться от «сюрприза», была просто невыносимой. Сжечь пакет и никогда не узнать, что в нем спрятал его загадочный предок? Обратить в пепел его сокровенные секреты? (Теперь Марк был почти уверен, что внутри находится что-то подобное). Но ведь это невозможно! Ведь вот же они, прямо в его руках, притаились под тонким слоем бумаги, который можно так легко и быстро сорвать! Несколько секунд – и тайное станет явным! Старик доверил ему – именно ему, единственному из всех – самое сокровенное из того, что у него было. Только от Марка теперь зависит, примет ли он этот дар! Но... а как же Лас-Вегас? Казино, бары, счастливая жизнь? Как от этого отказаться?

Марк почувствовал, что сверток выскальзывает из рук, – оказалось, клерк пытался забрать его.

– Я вижу, что вы не готовы. Мы можем отложить это на другой день, – как бы оправдываясь, произнес нотариус, но, увидев перекошенное от злости лицо клиента, поспешно отступил.

– Я его сожгу! Сожгу! – прохрипел Марк, швыряя злополучный «сюрприз» на дно железного ящика. Но, чиркнув спичкой, тут же задул ее и страдальческим голосом проигравшего выдал: – Давайте бумаги, я подпишу отказ от наследства.

Один росчерк – и все, дело было сделано. Дрожащей рукой Марк поставил свою подпись рядом с подписью доверенного лица, нотариуса Козельского М.Г., и только потом ему бросилось в глаза, что такая же фамилия значится в одном из пунктов документа. Он стремительно пробежал взглядом по строчкам рядом с ней и почувствовал, как кровь приливает к лицу обжигающей волной.

– Так вот, значит, кто все получит! – вырвалось у него обиженное восклицание, прозвучавшее таким же тоном, каким говорят дети что-нибудь вроде: «Нечестно, я так не играю!»

– Воля покойного! – огрызнулся только что разбогатевший Козельский, выхватил папку из-под руки Марка и отскочил в угол.

– Ах, ты!.. Ты!! Ты нарочно все подстроил, конторская крыса!

– Ничего подобного! Вы сами свой выбор сделали! – Клерк прикрылся шторой, словно та могла его защитить. – Не подходите! Вам же хуже будет! – завопил он в ужасе, подозревая,

что расвирепевший клиент вот-вот набросится на него. Тело нотариуса, обернутое плотной зеленой тканью портьеры, напоминало Марку дрыгающуюся в агонии гусеницу, которую так и хотелось раздавить. Он представил, с каким наслаждением сделает это, но не успел даже шагнуть в его сторону: за спиной послышался тяжелый топот нескольких пар ног, его грубо схватили за плечи, выволокли из кабинета в длинный пустой коридор и швырнули на пол, выложенный ребристой керамической плиткой. Марк почувствовал, как волнообразный выпуклый рисунок врезался в щеку. Едва подняв голову, он тут же получил мощный удар в затылок и ткнулся лбом в железобетонный керамогранит. Рядом на пол что-то упало. Повернувшись, он выругался, увидев свой «сюрприз», который только что променял на огромное наследство.

Поднявшись, он подхватил и сунул под мышку растрепанный сверток, с которого осыпался весь сургуч. Под разорванной бумагой что-то темнело. Украсив смачным плевок золотистую вывеску на двери нотариуса, Марк поплелся прочь, думая о том, что хитрец Козельский хоть и сэкономил на секретаре, зато не поскупился на охрану.

Добравшись до съемной квартиры, где обитал последние две недели, Марк остервенело содрал упаковку с отцовского «сюрприза» и застонал, сломленный ударом судьбы, гораздо более ощутимым, чем тот, что получил лицом об пол, вышвырнутый из офиса нотариуса.

Это была всего лишь книга! Чертова книга! Старый хлам! От нее несло, как от столетнего комода, набитого поношенным тряпьем. На кожаном переплете, облезшем до такой степени, словно кто-то пытался грызть его в приступе голода или ярости, слабо угадывался тисненый рисунок в виде раскидистого дерева с оголенными корнями, под которыми значились непонятные буквы или какие-то символы. «Интересно, о чем этот талмуд?» – подумал Марк, откидывая корочку в надежде обнаружить под ней что-то вроде сборника колдовских заклинаний или алхимический труд с формулами превращения обычных камней в золото и алмазы. Но, пробежавшись взглядом по титульному листу, он испытал новый приступ уныния. Название книги не вызывало интереса. «Исповедь»! Что это значит? Там что, мемуары о похождениях старого развратника?

Марк перевернул тонкую желто-коричневую страницу, и перед ним открылся убогий рукописный текст, перемежающийся с датами, что напоминало дневниковые записи. Попытка прочитать его оказалась тщетной, разобрать удалось лишь некоторые слова, да и то их смысл не всегда был понятен: хоть и написано по-русски, но некоторые буквы выглядели такими же непостижимыми для его разума, как китайские иероглифы или арабская вязь. Марк пролистал дальше и обнаружил иллюстрации, содержащие множество непонятных символов: крестов и треугольников, заключенных в окружности, знаков, напоминающих солнце, цветок или чем-то смахивающих на бычью голову; изображения птиц с человеческими лицами, рисунок дерева, голая крона которого выглядела зеркальным отражением разветвленной корневой системы, географические карты, на одной из которых удалось прочесть: «Ледовое море», только букву «е» в словах заменял перечеркнутый горизонтальной линией мягкий знак. И хотя все это выглядело очень любопытно, но улучшению финансового положения никак поспособствовать не могло.

Обнаружив, что все еще стоит в прихожей, упираясь спиной в закрытую входную дверь, Марк с тяжёлым вздохом перевел взгляд с книги на зеркало перед собой: оттуда на него смотрел взглядом побитого жизнью неудачника мужик с трехдневной щетиной на осунувшемся лице.

– Поздравляю с приобретением, придурок! – произнес он, обращаясь к собственному отражению, и злобно осклабился. – Здорово же ты угодил пройдохе Козельскому, выбрав этот кусок макулатуры!

Он швырнул книгу на пол, и та, раскрывшись, упала с громким шлепком. При этом из нее вылетел какой-то листок из бумаги другого качества, поэтому вряд ли мог быть оторванной страницей. Марк с удивлением поднял его и развернул. Это было письмо, и начиналось оно

так, что Марк от волнения чуть его не выронил. «Привет, наследник!» – судя по обращению, письмо, написанное покойным отцом, было предназначено именно ему. Ноги отчего-то вдруг ослабели. Он прошел в комнату и рухнул в кресло, не отрывая от листа горящего взгляда и продолжая читать.

«Раз уж ты получил мое послание, значит, все-таки здорово лоханулся, чего я и боялся. А ведь ты мог выбрать пропуск в лучшую жизнь! Надеюсь, что ты захочешь поправить свое бедственное положение, я доверил тебе важное дело, которое не в силах был исполнить сам, но ты оказался любопытным идиотом и провалил его. Однако не все еще потеряно: ты можешь сжечь книгу прямо сейчас. Правда, теперь ты за это никаких коврижек не получишь, а потому и подавно этого не сделаешь. И, если в тебе течет хоть крошечная капля моей крови, я уверен, что ты сможешь справиться со своей ленью и вскоре узнаешь, что в этой книге написано. После этого жизнь твоя изменится. Сколько в ней прибавится хорошего, столько и плохого. И все это будет продолжаться до тех пор, пока ты не сломаешься, как и я. Что ж, по крайней мере, скучать ты отныне не будешь. Желаю как следует повеселиться. Встретимся в пекле, наследник!»

С каждой прочитанной строчкой настроение Марка улучшалось. Появилась надежда на то, что он не ошибся, оставив книгу себе, хотя старик в своем письме утверждал обратное. Вопросы вспухали в голове подобно манной каше, кипящей в тесном котелке. Вернулось ощущение, что он находится на пороге новой жизни, а вместе с этим внутри снова что-то затрепетало – казалось, душа рвется навстречу приключениям, как птица в небеса.

Перечитав письмо еще раз, Марк отправился на загаженную кухню, попытался отыскать чистый стакан, но не смог и напился воды прямо из-под крана. Это его немного освежило, и мозг заработал в нужном направлении: «Для начала надо узнать, о чем книга, то есть, прочитать ее. Но, черт возьми, как это сделать, если там сплошные каракули? К тому же читать я вообще ненавижу!» Он немного полистал страницы с рукописным текстом, но так и не смог заставить себя начать их разбирать. Засунув книгу на верхнюю полку шкафа, Марк подумал с тоской: «Ну почему так безумно хочется нажраться?!»

Через мгновение он вышел из квартиры и направился в ближайший бар, где пытался утопить свое раздражение на дне бокала с виски до тех пор, пока его оттуда не выгнали, – он даже не понял, за что.

Маньяк

Вокруг был совершенно чужой и холодный мир, темный и враждебный. Она никак не могла вспомнить название этого северного поселка, состоящее всего из четырех букв: короткое непонятное слово, позаимствованное из другого языка. На ум почему-то приходило лишь слово «дыра» – наверное, оттого, что в нем были те же гласные звуки. А вот согласные начисто стерлись из памяти. Тына? Быда? Ныба? Все не то. Да и не важно, ведь она здесь ненадолго.

Двор за металлическими решетчатыми воротами походил на тюремный. Шагнёшь за калитку и окажешься в другой, прежде незнакомой жизни. Объектив камеры наблюдения, установленной на воротах, мутно темнел в белом корпусе, напоминая глаз хищной птицы. Через некоторое время замок калитки щелкнул, впуская гостей на территорию интерната. Открылся светло-желтый фасад «П»-образного корпуса, пять этажей, пять рядов нереально огромных окон. «Жаль, что большую часть года вместо солнца в них проникает мрак полярной ночи», – подумала она, вспомнив то, что читала о Заполярье, когда готовилась к переезду сюда. Поэтому-то размер окон ее и позабавил. Голубоватые лучи прожекторов, установленных на столбах по периметру двора, едва справлялись с темнотой, хотя по местному времени еще не было и четырех часов дня.

Из дверей здания вышел человек в черной униформе. «Наверное, охранник. Или надзиратель?» – Она с растущей тревогой разглядывала приближающегося мужчину. Его суровый вид внушал ей страх. Хотелось развернуться и со всех ног броситься прочь, но отец крепко держал ее за руку. Да и калитка в воротах была уже заперта, судя по щелчку, раздавшемуся за спиной после того, как они прошли сквозь нее. Похоже, замок был автоматический.

– Петр и Тильда Санталайнен? – обратился к ним человек в черном и, получив утвердительный ответ, добавил, приветствуя скупым кивком: – С приездом! Прошу за мной.

Они поднялись на высокое крыльцо и вошли в здание через массивные двустворчатые двери. В темном холле, похожем на пещеру, воняло мокрыми кошками и хлоркой. Свежевымытый пол влажно поблескивал в дрожащем свете длинных люминесцентных ламп. Ей стало не по себе. «Если тут всегда такой запах, то лучше умереть», – подумала она, семена за отцом короткими шагами, чтобы не поскользнуться на сыром полу. Охранник шел быстро и не оборачивался, они еле поспевали за ним, следуя сквозь узкие коридоры с такими частыми поворотами, что ей казалось – они попали в лабиринт.

– Здесь приемная и кабинет директора. Он ждет вас! – Охранник распахнул перед ними добротную деревянную дверь, блестящую от лака, и тотчас исчез из поля зрения, пропустив их вперед. Но перед этим Тильда успела поймать на себе его взгляд, неожиданно придирчивый для человека из обслуги. Он что, оценивал ее? Интересно, с какой целью?

В следующий миг она забыла о нем, представ перед директором: девушка-секретарь из приемной проводила их в соседнее помещение через смежную дверь. Внутри оказалось роскошно: огромный стол, стулья, стеллажи, пол и даже стеновые панели были из такого же хорошего дерева, что и двери. На столе возвышалась резная, тоже деревянная, подставка для канцелярских принадлежностей, вокруг валялись кипы бумаг и картонных папок. На стенах во множестве висели какие-то дипломы.

Директор сидел в высоком кресле и в отличие от охранника выглядел совсем не грозным – скорее, усталым и чем-то встревоженным. Увидев вошедших, он встал, вышел из-за стола и протянул отцу руку для приветствия, бросив рассеянный взгляд в сторону новой воспитанницы. Предложил присесть. Они устроились на деревянных стульях с мягкими сиденьями и гнутыми спинками, а директор вернулся в свое кожаное кресло – единственный предмет мебели черного цвета.

Во время собеседования Тильда молча слушала, как отец отвечал на вопросы. Некоторые казались ей лишними – например, нет ли у них родственников в Финляндии (наверное, директор поинтересовался этим из-за их финской фамилии) или много ли было у Тильды друзей. Вопрос был задан не Тильде, и это показалось ей возмутительным: неужели директор таким образом дал ей понять, что она тут пустое место?! Или он машинально спросил, занятый своими мыслями? Судя по отсутствующему виду, с которым он просматривал ее документы, ему было вообще не до них. Но вдруг он встрепенулся и, будто очнувшись, поднял голову, оторвавшись от бумаг. Выпуклые глаза под круглыми стеклами очков делали его похожим на внезапно разбуженную сову.

– В анкете нет контактного телефона матери Тильды, – недовольно произнес он.

– А... это обязательно? – Отец заметно напрягся, стиснув челюсти, отчего скулы на его лице обрисовались четче.

– Вообще-то да. А в чем, собственно, затруднение? – Директор поправил съехавшие на нос очки.

– Ну... у жены совсем нет свободного времени, она заботится о нашем сыне, который сейчас тяжело болен, и... мне бы не хотелось, чтобы ее отвлекали звонками. Все вопросы, касающиеся Тильды, буду решать я.

– Извините, что вынудил вас рассказать о семейных трудностях. Тогда, может быть, вы дадите номер какого-нибудь родственника? Тети, бабушки, например? На тот случай, если мы не сможем до вас дозвониться. Вдруг возникнет срочная необходимость. Предполагаю, что на такой ответственной работе, как ваша, не всегда есть возможность поговорить по телефону. Вы ведь занимаетесь геологоразведкой, ищите газовые месторождения, как я понял?

– Да, я контролирую буровые работы, но при этом всегда на связи. У меня спутниковый телефон, так что вы сможете дозвониться до меня, где бы я ни находился.

– Хорошо, но второй номер все же не помешал бы... – настаивал директор.

– У Тильды нет ни тети, ни бабушки, – резко перебил его отец.

– Понятно. Ну что ж... Мы очень рады принять вашу дочь в наш дружный коллектив. – И, нажав одну из кнопок на телефонном аппарате перед собой, директор спросил, не поднимая трубки:

– Пришла Роза Ивановна?

– Она здесь, Роман Сергеевич! – раздался из динамика голос девушки-секретаря.

– Пригласи ее.

Через секунду в дверь кабинета вплыла огромная женщина с грубоватым лицом и двинулась к ним. Тильде показалось, что в помещении заметно потемнело, как бывает в ясный день перед стремительно надвигающимся ненастьем. Она так и окрестила ее про себя: «женщина-гроза».

– Познакомься, Тильда, это твой воспитатель, Роза Ивановна! – Директор наконец-то удостоил ее вниманием.

– Привет, детка! – произнесла женщина и улыбнулась, но в совокупности с тяжелым злобным взглядом улыбка вышла ужасной. Да и голос звучал притворно тонко, изображая фальшивое радушие: было заметно, что Роза Ивановна привыкла разговаривать более грубым тоном. – Ты уже готова познакомиться со своей новой семьей? – добавила она. – Пойдем, я отведу тебя к девочкам. А с мальчиками познакомишься на ужине в столовой. Где твои вещи?

«Новая семья?! Что она несет?!» – От возмущения у Тильды перехватило дыхание. Проглотив колючий комок, неизвестно откуда взявшийся в горле, она тихо возразила:

– Я бы хотела сначала попрощаться с папой.

– Само собой! Но учти, лучше сделать это быстро: долгие проводы – лишние слезы! – заявила воспитательница уже не таким приторным голосом.

Тильда вздрогнула: последняя фраза произвела на нее эффект пощечины. «Еще не хватало, чтобы эта бесцеремонная тетка маячила поблизости, пока мы с папой будем прощаться!» – негодовала она, отчаянно пытаясь придумать, как отделаться на это время от Розы Ивановны.

Помощь пришла неожиданно. Выручил директор:

– Тильда, ты с воспитателем можешь сначала подняться наверх и отнести вещи в спальню, а потом вернешься и проводишь отца до выхода. Думаю, так будет лучше, и Розе Ивановне не придется поторапливать вас в момент расставания!

Тильда тотчас простила ему все глупые вопросы и бестактность.

– Спасибо! – поблагодарила она и, взяв у отца свою сумку, двинулась следом за гигантской женщиной.

Они дошли до конца коридора, вышли на лестничную клетку и поднялись на пятый, последний этаж. Оттуда снова попали в длинный полутемный коридор, наполненный монотонным гулом множества голосов, в котором то и дело слышались отдельные выкрики и смех. Вдоль стен белели крашеные деревянные двери с квадратами мутных стекол в верхней части, некоторые были приоткрыты, и оттуда пахло, как из детсадовских спален: постельным бельем и свежим потом разыгравшихся детей, скачущих на кроватях или устроивших подушечный бой. Тильде сразу вспомнилось, как однажды она по просьбе мамы забирала брата из детского сада в «тихий» час, оказавшийся совсем не тихим. Это было в прошлом году, а в этом брат должен был пойти в первый класс, но не смог. От чувства вины ее сердце болезненно сжалось, и она поспешила прогнать тяжелые мысли, сосредоточившись на окружающей реальности.

Они поравнялись с глухими, без остекления, дверями, на которых висели таблички, обозначающие туалет и душ. Оттуда доносился шум воды, пахло шампунем и мылом. Внезапно Тильда осознала, что ей придется мыться в общей душевой; раньше ей было не до бытовых мелочей, а теперь это обстоятельство стало еще одной трагедией, которую ей предстояло пережить в ближайшее время. «Не многовато ли столько всего сразу? Хорошо, что здесь хотя бы чисто», – подумала она, разглядывая блестящий линолеум на полу коридора. Но в следующее мгновение и это достоинство было омрачено: из дверей туалета вышла девушка со шваброй и полным ведром воды. На вид она казалась младше Тильды, ей было едва ли больше пятнадцати, и работать уборщицей в таком возрасте она еще не могла, но, тем не менее, поставила ведро в центре коридора и окунула в него тряпку, свисающую со швабры. Она собиралась мыть пол!

– Воспитанники сами убирают свои спальни и общий коридор! – объявила Роза Ивановна, кивая в сторону размахивающей шваброй девушки. – Такие у нас правила. График дежурств есть на стенде в каждой спальне, тебя уже внесли. Посмотришь потом.

– А еду воспитанники тоже себе сами готовят? – спросила Тильда, тщательно пряча сарказм под вежливой интонацией: нарываться на грубость не хотелось, но и молчать было противно.

– Нет, на столовскую кухню посторонним вход воспрещен! – категорично произнесла воспитательница, не заметив издевки.

Спальня, в которой было отведено место для Тильды, оказалась последней слева в конце коридора. Над противоположной дверью тускло светила табличка с надписью: «Аварийный выход». На стыке двустворчатых дверей, таких же белых и наполовину остекленных, как и двери спален, чернел навесной замок размером с трехкилограммовую гирю, а стекла в дверях были покрашены белой краской. На торцевой стене между аварийным выходом и дверью спальни располагалось большое окно, в котором отражался весь коридор, девушка со шваброй, воспитательница и она сама. А за окном чернела полярная ночь.

Тильда так спешила вернуться к отцу, что забыла познакомиться с соседками по комнате. Увидев пустую кровать, она прошла к ней и поставила сумку рядом с примыкающей к изголо-

вью тумбочкой, ни на кого не глядя и даже не поздоровавшись. Остановившаяся в дверях Роза Ивановна объявила за ее спиной:

– Принимайте новую соседку и одноклассницу! Ее зовут Тильда. Тильда Санталайнен.

Только тогда Тильда обернулась и увидела девушек, устремивших на нее неприветливые взгляды. Она попыталась изобразить улыбку, понимая, что вряд ли это что-то изменит: первое впечатление, и не лучшее, было уже произведено. А оно, говорят, решающее. «Ну и ладно! – подумала Тильда, смиряясь с тем, что ее, скорее всего, невзлюбят с первого взгляда. – Все равно я тут ненадолго. Даже не собираюсь запоминать, как их зовут!»

В этот момент Роза Ивановна как раз называла имена девушек, но эта информация ни на миг не задержалась в голове Тильды, потому что ее мозг был занят мыслью: внизу ждет отец, и он торопится. Вертолет через два часа, а до него ему еще надо добраться. Тильда пробормотала соседкам, что скоро вернется, и направилась к выходу из спальни.

– Давай там недолго! – крикнула ей вслед «женщина-гроза». – Через десять минут жду тебя на инструктаж. Смотри не заблудись!

Тильде хотелось ответить, что, по ее мнению, можно успеть сделать за десять минут, но желание огрызнуться вытеснил страх от внезапно возникшей мысли: «А вдруг отец уже ушел?!»

В считанные секунды Тильда промчалась по коридору, едва не сбив с ног девушку со шваброй (та сердито прошипела ей что-то вслед), и, свернув на лестничную площадку, побежала вниз, перепрыгивая через две ступени. Преодолев все пролеты, она выбежала в другой коридор и остановилась в нерешительности, не зная, в какую сторону повернуть: бетонные стены без дверей простирались по обе стороны от нее. Пытаясь вспомнить путь, по которому вела ее воспитательница, Тильда все же повернула влево, хотя и не была уверена, что выбрала верное направление. «В крайнем случае, вернусь назад и пойду вправо», – рассудила она, устремляясь в сумрачную даль. Ее взгляд скользил по серому бетону в поисках заветной двери из лакированного дерева, за которой ее ждал отец, но двери не было. И вообще не было никаких дверей! Но куда же они подевались?! Ведь она помнила, что двери были!

– Э-эй! Есть здесь кто-нибудь?! – крикнула Тильда в пустоту, замедляя шаг. Серые глухие стены отозвались слабым эхом. Тусклая лампочка под потолком угрожающе моргнула. Издалека донесся странный шорох, вызывая мысли о ползущей по бетонному полу огромной змее. Страх мгновенно сковал тело, но усилием воли Тильда заставила себя пойти дальше.

– Никаких змей здесь нет! – произнесла она вслух, пытаясь себя подбодрить, и снова крикнула, в надежде, что на этот раз ее услышат: – Э-эй! Кто там? Отзовитесь!

Шорох усилился, и к нему добавились чьи-то торопливые шаги. «Ага, там человек!» – обрадовалась Тильда и припустила бегом.

Полумрак, стирающий вдали все очертания, плавно отступал с ее приближением, и вскоре в стене справа обозначились границы бокового выхода. Свернув в него, Тильда увидела короткий бетонный коридор, оканчивающийся металлической дверью, которая была открыта и еще слегка покачивалась. Через пару секунд девушка очутилась перед ней. Звуки удаляющихся шагов и шорох доносились как раз оттуда.

Тильда распахнула дверь. Вниз вели бетонные ступени, залитые желтым светом. На них багровели кровавые полосы. Взгляд Тильды скользнул ниже и выхватил из полумрака мужскую фигуру. Человек быстро спускался по ступеням, волоча за собой грязный мешок, покрытый влажными пятнами, и вскоре исчез из поля зрения, скрывшись под нависающей над лестницей потолочной плитой.

Желание преследовать незнакомца мгновенно испарилось: зловещего вида мешок в его руках и кровавые следы на ступенях остудили пыл Тильды. Она притормозила, упершись в стены расставленными руками, затем присела на корточки и всмотрелась в полумрак внизу: там уже никого не было. Перевела взгляд на длинную темно-красную полосу, протянувшуюся по

всей лестнице, и, подумав о мешке, похолодела от ужасной догадки. Мысли о маньяках и расчлененных трупах проникли в мозг, и все тело охватила мелкая дрожь. Просидев в оцепенении какое-то время, Тильда вдруг поняла, что замерзает. Ладонь правой руки, которой она придерживалась за стену, жгло, как от прикосновения ко льду. Бетонные поверхности стен и потолка искрились от инея, а воздух перед лицом Тильды затуманивался при каждом выдохе. Здесь было морозно, явно ниже нуля. Искать кабинет директора в таком месте не имело смысла: его здесь быть не могло. Нужно было возвращаться назад.

Тильда вышла обратно за дверь, в тепло, и направилась на поиски лестничного пролета, соединяющего все этажи здания. Только теперь она поняла, что, спускаясь вниз с пятого этажа, в спешке промчалась мимо выхода на первый и так оказалась в цокольном. И все это время бродит в подвале! Но куда же, в таком случае, ведет лестница, по которой спустился человек с мешком? На минус второй? И почему там холодно, как на улице? И для чего используют это стылое помещение? Может быть, Тильда наткнулась на какое-то тайное место? Множество вопросов тревожило ее, мрачные догадки вызывали гнетущее чувство, и, охваченная беспокоем, она отвлеклась от главной цели своих поисков. Спихватившись, Тильда достала из кармана куртки телефон и нажала кнопку на корпусе сбоку, собираясь позвонить отцу, но экран остался черным. «Сел! – мелькнула паническая мысль. – Сел, пока мы с отцом добирались до интерната по морозу! Вот же хрень!» Она в отчаянии потрясла бесполезный гаджет, нажав еще несколько раз на кнопку включения, и с горестным вздохом убрала обратно в карман. Связаться с отцом не получится, а значит, надо спешить, тем более что неизвестно, сколько уже времени прошло с тех пор, как они расстались.

Вспомнить все повороты, пройденные на пути сюда, оказалось совершенно нереальной задачей: их было слишком много. Тильда громко всхлипнула и пошла наугад. По дороге ей попадались двери, которых она прежде не видела. Судя по надписям на дверных табличках, ее занесло в ту часть цоколя, где располагались складские помещения. Она читала на ходу: «Хозяйственный инвентарь», «Мягкий инвентарь», «Канцелярия», «Продукты». Понимая, что заблудилась, Тильда надеялась найти кого-нибудь из работников и делала попытки открыть двери складов, но все они были заперты. Девушка шла дальше, сворачивая то вправо, то влево, не сдерживая и не вытирая слез, струившихся по щекам жгучими ручейками, и уже хотела было завопить во все горло: «Помогите!», как вдруг из бокового проема впереди вывернул незнакомый парень. Завидев Тильду, он замер на мгновение, окидывая ее изучающим взглядом, а потом решительно двинулся навстречу.

– Подскажите, где тут выход на первый этаж? – спросила Тильда, поспешно вытирая мокрые щеки.

– Заблудилась? Новенькая, да? – Парень едва заметно улыбался (а может, ей так казалось из-за его узких глаз-щелочек, разглядывающих ее с неприкрытым любопытством, и широкоскулого лица с чертами, характерными для северных народов, таких, как ненцы или ханты).

Он был заметно выше Тильды и выглядел чуть старше – где-то на год или на два. Учитывая то, что ей оставалось учиться полтора года, выходило, что для школьника парень был взрослым, а для педагога слишком юным. Черные блестящие волосы, стриженные «под горшок», с выбритыми висками и густой челкой, опускавшейся до самых бровей, в сочетании с широкоскулым лицом придавали ему простоватый вид. «Не красавец», – подумала Тильда, но отметила про себя, что глубокая ямочка на подбородке делает парня симпатичным.

– Мне срочно надо попасть в кабинет директора, меня там отец ждет! – пояснила девушка. – Я только что приехала и ничего тут не знаю.

– Пойдем, провожу! – Парень кивнул, приглашая следовать за ним. – Здесь близко, – добавил он, уводя Тильду в обратную сторону.

Через пару минут они добрались до выхода на лестничную площадку, поднялись на один пролет и вышли в коридор первого этажа, откуда доносились громкие встревоженные голоса –

мужской и женский. Тильда поспешила туда и вскоре увидела директора и «женщину-грозу», покрасневшую и лепечущую что-то с видом провинившейся школьницы. Повернувшись на звук шагов, Роза Ивановна всплеснула руками и, прижав их к груди, воскликнула:

– Так вот же она!

Директор тоже повернулся и уставился на Тильду таким недобрым взглядом, что девушка непроизвольно замедлила шаг и остановилась на некотором расстоянии, опасаясь, что ее сейчас побьют.

– Я заблудилась! – виновато пояснила она и спросила: – А где мой отец?

– Он уже ушел. – Директор нервно ткнул указательным пальцем себе в переносицу, пытаясь поправить очки, которые и так были на месте.

– Что?! Нет! Он не мог уйти, не прощаясь! – Тильда в отчаянии заломила руки.

– Ты всех заставила понервничать! Как можно заблудиться в здании, где полно людей?! – Взгляд директора стал тяжелым.

– Я случайно спустилась в подвал, где совсем никого не было! А потом увидела парня, и он вывел меня оттуда! – оглянувшись, Тильда хотела показать на своего провожатого, но того поблизости не оказалось.

– Нужно быть внимательнее! – отчеканил директор. – Твой отец собирался идти разыскивать тебя, но переживал, что опоздает на вертолет – ведь следующий только через неделю. Я заверил его, что тебе некуда деться из здания и вскоре мы тебя найдем. – Директор принялся производить манипуляции со своим телефоном, продолжая говорить. – Но на самом деле здесь были случаи, когда дети пропадали безвозвратно. Твоему отцу я этого не сказал, а тебе говорю, чтобы ты больше не слонялась в подвале в одиночку. Запомни это на будущее! А сейчас я должен сообщить твоему отцу, что ты нашлась. – С этими словами он повернулся к ней спиной и, приложив телефон к уху, зашагал к своему кабинету.

– Сказала же: смотри не заблудись! – прошипела Роза Ивановна, приблизившись и нависая над ней. – Мне из-за тебя попало! Пошли! – Воспитательница грубо дернула ее за руку и потянула за собой.

Тильда вскрикнула от боли: ей показалось, что ее пальцы попали в железные тиски. Попытка высвободиться не удалась. Роза Ивановна сдавила ее руку еще сильнее и пригрозила:

– Лучше не дергайся, а то я на тебя ошейник с поводком надену! Что поделать, раз уж приходится отвечать за всяких... – И проворчала себе под нос что-то еще.

Тильда расслышала слово «тупиц» и вспыхнула от негодования, но вслух ничего не сказала, подумав, что вступать в перепалку с такой гром-бабой все равно, что идти на танк с кулаками. Из-за несостоявшегося прощания с отцом она чувствовала себя глубоко несчастной и спешила добраться до розетки, чтобы подключить телефон к сети и позвонить ему.

Роза Ивановна отпустила ее только у входа на пятый этаж и смотрела ей вслед до тех пор, пока Тильда не вошла в свою спальню.

– Тебя Гроза обыскала! – объявила ей с порога одна из новых соседок. Тильда поняла, что речь идет о Розе Ивановне, и удивилась, что так точно угадала с ее прозвищем.

– Ты где была? Тут из-за тебя всех на уши подняли! – добавила другая девушка.

Тильда устремила к своей кровати, не обратив на них никакого внимания. Она видела только белый квадрат электрической розетки, выступающей из стены над ее тумбочкой. «Может быть, отец еще не очень далеко ушел и вернется хотя бы на минутку?» – думала она, подключая к телефону зарядное устройство и мечтая лишь о том, чтобы ей представилась возможность прижаться напоследок к отцовской груди: ведь в следующий раз они увидятся только через полгода, и то, если ему не задержат отпуск.

В спину ей ударился какой-то предмет и, отскочив, упал на пол. Удар оказался легким, но, увидев, что это был грязный резиновый шлёпанец, Тильда разозлилась. Вскинув голову,

она с вызовом посмотрела на криво улыбающихся девчонок, сидевших вместе на одной из кроватей у противоположной стены.

Их было трое: одна – длинноволосая блондинка с ангелоподобным личиком, другая – коротко стриженная пацанка с фиолетовой челкой, прикрывающей пол-лица, третья – курносая милашка с шапкой мелких овечьих кудряшек до плеч. Эта троица напомнила ей трех бывших подруг из прошлой жизни – Алину, Лику и Дашу. Переезд Тильды на север был ни при чем: бывшими они стали еще за полгода до этого, когда оклеветали ее и перестали общаться, устроив ей полный игнор. Каждая из соседок поразительно смахивала на одну из ее подруг. Разглядывая девушек, Тильда мысленно дала им клички: блондинке с ангельским личиком – Ангелина, «фиолетовой челке» – Лаванда, а кудрявой «овечке» – Долли.

– Чет мы не поняли, ты нас в упор не видишь, что ли? – милым голоском произнесла «Ангелина», и все трое недобро рассмеялись.

Тильда не ответила. Нагнулась, подобрала шлёпанец и с силой швырнула в них. «Лаванда» вскочила и, схватив подушку, бросила, целясь в Тильду, но подушка не долетела, упав на пол с глухим шлепком. Тильда отшвырнула ее ногой с криком «Отвалите от меня!» и вернулась к телефону: «зарядка», наконец, оживила гаджет.

Голос отца, сменивший длинные гудки, тонул в оглушительной трескотне вертолета:

– Прости... долго не было... опаздывал... увидимся... – с трудом разобрала Тильда и неожиданно для себя закричала в ответ, чувствуя, как целая лавина слез хлынула из глаз:

– Папа, забери меня отсюда! В этом интернате пропадают дети! Здесь опасно! Я видела в подвале человека с мешком и кровавые следы! Это был точно маньяк! Я хочу домой! Попроси маму, чтобы она разрешила мне вернуться, пожалуйста! Я никогда больше не сделаю ничего плохого!

Кажется, он ее совсем не слышал.

– Шумит... Позже... Пока!

Вот и весь разговор! Отец отключился.

В наступившей тишине отчетливо прозвучала ехидная фраза, сказанная одной из соседок:

– Бли-ин, да она больна-ая! Слыхали, что несет? Ей маньяки мерещатся!

– Гроза нам придурочную подсунула! – подхватила другая.

– От таких лучше держаться подальше: еще прирежет ночью. Давайте попросим Грозу, пусть переселит ее куда-нибудь!

– Точно! Комнаты для гостей все равно пустуют. Пусть кукует там одна!

Тильда беззвучно плакала, прижав к лицу одеяло и сдерживая дрожь в теле, чтобы скрыть слезы от соседок. Те позлословили еще немного, обсуждая ее, а потом послышался звук их удаляющихся шагов. Скрипнула дверь, и в спальне стало совсем тихо. Но ненадолго. В следующий миг громкие рыдания, хриплые, как лай старой простуженной псины, вырвались из горла Тильды наружу.

Потом пришла «женщина-гроза» и приказным тоном сообщила ей о переводе в отдельную комнату, прибавив: «Только драк здесь еще не хватало, отвечай потом за ваши синяки». Уговаривать новую воспитанницу ей не пришлось: Тильда подхватила сумку, которую не успела разобрать, сунула в карман куртки телефон вместе с зарядным устройством и отправилась следом за воспитательницей в противоположное крыло коридора, радуясь тому, что представилась возможность избавиться от назойливых и злобных соседок, а тогда, может быть, ей удастся дотерпеть здесь до июля.

В комнате, слишком просторной для одного человека, пахло зимой и одиночеством. Наверное, ее недавно проветривали: на подоконнике в углу лежал холмик подтаявшего снега, а одеяло на кровати оказалось холодным, когда Тильда присела на его край.

– Не расслаивайся тут! – донесся до нее голос Грозы. – Ужин через полчаса. Столовая на первом этаже. Иди вместе со всеми, а то опять заплутаешь. За ручку тебя водить больше никто не будет. График работы столовой посмотришь там, на входе. Пропустишь прием пищи – останешься голодной. Расписание занятий висит на стенде в каждой спальне, кроме этой, потому что это комната для приезжающих в гости родителей. Сходишь, перепишешь где-нибудь. И вообще... имей в виду: сегодня тебе сделали скидку как новенькой, а обычно с нарушителями порядка здесь не церемонятся. Все поняла? Вопросы есть?

– Поняла. Спасибо, – коротко ответила Тильда, мечтая, чтобы Гроза поскорее оставила ее в покое, и поэтому не стала ничего спрашивать.

На ужин Тильда не пошла: не было аппетита. Вместо этого она разобрала вещи и улеглась в холодную постель, надеясь, что сон избавит ее от горестных дум, но он не принес ей облегчения. Всю ночь ее мучил странный кошмар: снилось, будто она ползет в темноте по ледяному тоннелю. Руки и ноги скользят по льду, в кожу впиваются острые ледяные осколки, ее трясет от холода и от страха: отовсюду доносятся подозрительные шорохи, а потом вдалеке раздается угрожающий вой, то нарастающий, то стихающий, но не до конца, а лишь для того, чтобы раздаться с новой силой подобно сигналу воздушной тревоги в фильмах о войне. И чем дальше она ползет, тем громче он становится.

Когда вой прозвучал совсем близко и Тильда поняла, что вот-вот встретится с существом, издающим его, сон внезапно прекратился, а завывание невидимого чудовища сменилось оглушительным шумом, состоящим из множества звуков: девичьих и детских голосов, топота ног, скрипа мебели, хлопанья дверей. Дотянувшись до телефона и нажав кнопку включения, Тильда взглянула на время, высветившееся в верхнем правом углу экрана. Оказалось, что наступило утро и пора было собираться в школу. Спустя мгновение девушке вспомнились последние безрадостные перемены, случившиеся в ее жизни, и от нахлынувшей тоски в груди неприятно заныло. Однако тот факт, что «школа» теперь располагалась тремя этажами ниже, все-таки ее порадовал. «Хоть идти недалеко!» – подумала она, выбираясь из кровати.

За огромным окном не было ни единого намека на рассвет – лишь непроглядный мрак, в котором отражался голубоватый свет ночника над тумбочкой. Полярная ночь не спешила отступать.

Первая половина дня пролетела на удивление быстро: учебный процесс отвлек Тильду от мыслей о собственной несчастной судьбе, и она почти забыла, что находится в интернате, вдали от родителей и подруг. Немного раздражал пустой желудок, напоминавший о пропущенных ужине и завтраке, а в остальном пребывание здесь пока казалось ей вполне терпимым. После занятий она помчалась в столовую, как на пожар, обгоняя толпу сверстников, и оказалась первой в очереди на раздачу. Еда выглядела вполне аппетитно: золотистого цвета куриный суп и поджаристая котлетка с картофельным пюре. От густого душистого пара, поднимавшегося от тарелок с едой, у неё закружилась голова. Раньше она и представить себе не могла, что самая простая еда без каких-либо изысков может принести столько радости.

Однако радость Тильды длилась недолго. Она успела проглотить всего три ложки горячего супа до того момента, как в столовой появилась знакомая тройка: «Ангелина», «Лаванда» и «Долли». Они явно заметили ее, но равнодушно отвели взгляды, показывая всем видом, что им нет до нее никакого дела.

– Ань, займи столик, а мы возьмем твою порцию! – сказала «Долли», обращаясь к «Ангелине».

Блондинка кивнула, провела рукой по длинным блестящим волосам и грациозно двинулась между столиков. Проходя мимо несостоявшейся соседки, «Ангелина» плавно взмахнула рукой, словно нехотя приветствуя новенькую, но это было не так. Из ее пальцев выскользнул комок спутанных светлых волос и спланировал в тарелку с куриным супом, который уплетала Тильда. Это была не случайность, а откровенная провокация. Тильда застыла с ложкой у рта,

лихорадочно соображая, как ответить на вызов, но не успела среагировать: чья-то рука резко опустилась на край ее тарелки, и в следующий миг весь суп выплеснулся на стол и юбку «Ангелины». Та ахнула, брезгливо скривилась, стряхнула с себя вермишель и кубики моркови и резко оглянулась. Позади с виноватым видом стоял парень, тот самый, который встретился Тильде в подвале накануне вечером.

– Упс! Извините, девчонки! Споткнулся и тарелку зацепил! – Вынув салфетку из подставки, он принялся старательно развозить жирный бульон по поверхности стола.

– Якур! Ты неуклюжий, как медведь! Никогда под ноги не смотришь! – раздраженно прошипела блондинка и, передернув плечами, отошла к соседнему столику.

Парень взглянул на Тильду, подмигнул ей и улыбнулся так, что у нее возникли сомнения в случайности произошедшего. «Споткнулся? Да это же была просто отмазка! Кажется, он сделал это нарочно! – подумала Тильда и подмигнула парню в ответ, чувствуя в душе растущую симпатию к нему. – Может быть, этому парню тоже не нравятся длинные светлые волосы, особенно, когда они падают в тарелки, пусть даже и чужие? Как там Ангелина его назвала? Якур, кажется? Да, точно, Якур. Какое необычное имя! Интересно, что оно означает? Надо загуглить!» Тильда включила смартфон, ввела запрос и прочла первый из полученных вариантов: «Якур – точное значение слова, от которого произошло имя, неизвестно, но, предположительно, от тюркского «јака», обозначающего край, границу, берег».

«Очень подходящее имя для человека, живущего на краю света!» – мелькнула у неё мысль.

Проглотив котлету с картошкой, Тильда вернулась в свою комнату и на мгновение замерла на пороге, сразу увидев белый листок на столе у окна. Она хорошо помнила, что перед ее уходом на столе ничего не было. Кто-то побывал здесь в ее отсутствие и оставил ей послание.

«*Маньяк уже близко. Он охотится на психопаток вроде тебя*», – было написано на нем синими чернилами.

Тильда скомкала записку и выбросила в мусорное ведро. Вспомнились длинные тонкие пальцы блондинки, на миг зависшие над тарелкой и сжимающие пучок волос. «Записка – ее рук дело», – решила Тильда, прогоняя неприятные мысли и пытаясь заставить себя взяться за уроки. Раньше она никогда не запускала учебу: мечтая поступить в Горный институт в Санкт-Петербурге и стать геологом, как ее отец, она должна была в следующем году набрать высший балл на едином экзамене, потому что конкурс в этот вуз был огромным и, чтобы иметь хоть малейший шанс пройти его, надо было вкалывать вовсю.

Но эти мечты остались в прошлой жизни, а теперь прошлая жизнь стала ее единственной мечтой. Больше всего на свете Тильде хотелось вернуться в роковой день, изменивший все, и прожить его иначе. Но машину времени, к сожалению, пока не изобрели.

Потеряв счет времени, Тильда едва не пропустила ужин и примчалась в столовую перед самым закрытием. Зато можно было не ожидать появления «адской троицы» и очередного «волосопада» над своей тарелкой или еще какой-нибудь каверзы. Под звон моющейся посуды, доносившийся с кухни, Тильда не спеша расправилась с едой, вспоминая улыбчивое лицо Якура и с удивлением обнаружив, что хотела бы увидеть его. Пока это был единственный человек в интернате, который вызвал у нее некое подобие симпатии.

Покинув столовую, Тильда вышла в коридор, тянувшийся по обе стороны от нее, и огляделась, в надежде увидеть коренастую фигуру знакомого парня, но вокруг не было ни души, только справа издали доносились чьи-то удаляющиеся шаги. Если бы кто-нибудь спросил ее, зачем она повернулась и пошла в ту сторону, вместо того чтобы подняться обратно в свою комнату, она бы не смогла ответить. Ведь понимала, что вряд ли там окажется Якур, и меньше всего ей снова хотелось увидеть человека с мешком (маньяка?), но... именно его она и увидела.

Точнее сказать, не его самого, а тень, мелькнувшую впереди и скрывшуюся за поворотом в конце коридора. Силуэт мужчины с мешком за спиной выглядел так же, как и в подвале.

Тильда притормозила и застыла в страхе. Что теперь? Идти на риск и преследовать его дальше или бежать обратно и звать на помощь? Оба варианта не годились: в одиночку с маньяком ей не справиться, а пока она найдет того, кто ее выслушает, поверит ей и отправится ловить неизвестную личность, той личности уже и след простынет.

Пока Тильда раздумывала, чувствуя, как страх пропитывает каждую клеточку ее тела, шаги совсем стихли. Девушка прошла до поворота, за которым скрылась зловещая фигура, и оказалась перед лестничной площадкой. Это была другая лестница – не та, по которой Тильда спускалась в столовую. Она подошла к перилам и, облокотившись на них, заглянула в пустоту между лестничными пролетами, темнеющую под ногами. Прислушалась: оттуда не доносилось ни звука. Под ней находился подвальный этаж. Снова отправиться туда, где она натерпелась страху, казалось безумием. Тильда решила подняться наверх, на пятый, найти Розу Ивановну, рассказать ей о человеке, разгуливающем по зданию с подозрительной ношей, и попросить ее сообщить об этом директору.

Выход с лестничной площадки на пятом этаже преградили наполовину остекленные двустворчатые двери, запертые на замок. Сквозь покрашенные краской стекла не удалось разглядеть то, что находилось с другой стороны, но Тильда догадывалась, что напротив дверей находится та спальня, в которую ее хотели поселить сначала, до того как предложили отдельную комнату. Спальня «адской троицы»... А эти двери, запертые с той стороны на большой навесной замок, служили аварийным выходом, о чем гласила табличка над ними. Девушка посмотрела вверх – точно такая же табличка была и здесь. Значит, попасть в свою комнату отсюда ей не удастся – придется вернуться на первый этаж, дойти по коридору до столовой и подняться по другой лестнице.

За спиной послышался шорох, как будто хрустнула песчинка под чьей-то ногой. В следующее мгновение, когда Тильда собралась завизжать во все горло, ее рот накрыла чья-то рука, а другая обхватила и сдавила все тело, не давая шелохнуться.

– Тш-ш-ш!! – зашипели ей в ухо и потащили назад, но... почему-то не вниз, а вверх по лестнице. Тильда знала, что выше этажей не было – только крыша.

«Маньяк собирается затащить меня на чердак! – молнией полыхнула в голове ужасная догадка. – И никто мне не поможет!!»

Мерзлотник

Мало кто знает, что скрывается за маленькой деревянной дверцей, вмурованной в холм на восточном берегу Обской губы, там, где река Обь впадает в один из заливов Карского моря. Мало кто вообще эту дверцу видел: летом темное дерево сливается с грунтом, а зимой весь берег скрыт под снегом, и тогда отыскать ее становится почти невозможно даже для тех, кто бывал там однажды.

Мерзлотник – подходящее название для места, в котором притаилось зло, недаром слово «зло» заключено и в названии. Зло появилось там давным-давно, намного раньше дверцы, а может быть, вообще было всегда. Говорят, однажды кто-то из охотников-промысловиков провалился под землю и оказался в огромной ледяной пещере. Обследовав ее, он нашел подземный ход и выбрался по нему наружу как раз там, где теперь находится дверь. Ее установили жители близлежащего села: узнав о пещере, они решили устроить под землей хранилище для мяса и рыбы, ведь в Заполярье вечная мерзлота достигает приличной глубины, и ледяные оковы не успевают оттаять за короткое северное лето. Но почему-то мерзлотником так и не воспользовались. Ходили слухи, что во время работ в подземных пустотах пропало несколько человек, а еще творилось что-то неладное: слышались жуткие крики и мерещились странные существа с человеческими лицами и птичьими телами. Люди в селах посмеивались над рассказчиками подобных небылиц, но все-таки желающих хранить продукты в мерзлотнике не нашлось. Народ вскоре и вовсе позабыл о нем.

Только Водима ни на секунду не мог забыть о неприметной дверце в холме. Ему тоже доводилось входить в нее, к тому же не единожды, и скоро снова придется. Дверца так и стояла у него перед глазами, а вечный страх сковывал его совсем не робкое сердце тем сильнее, чем ближе подступало летнее тепло. Скоро лед в Обской губе треснет, поплывет, и волны вышвырнут обломки на берег, где он вскоре и растает под июльским солнышком. А потом надо будет поспешить, ведь уже в конце сентября вновь полетят белые мухи, и новые льдины народятся в подмерзающей воде. Их края в местах свежих изломов бывают острыми, как бритва.

Долгие зимы с бесконечными черными ночами умирляли зло, и на время Водима забывал о своей неразрывной связи с ним. Он погружался в работу, и окоченевшая за лето душа оттаивала рядом с детьми, вернувшимися в интернат из отдаленных поселений. Глядя на них, он вспоминал свое детство, такое же по-сиротски тоскливое, ему точно так же не хватало родительской любви и заботы. Пожалуй, его детство было более несчастным, чем у многих детей в интернате, которые хотя бы на время каникул могли вернуться в свои семьи. Водиме возвращаться было некуда. Оставшись без родителей в двенадцатилетнем возрасте, он оказался в чужом доме и стал называть мамой постороннюю женщину, взявшую его на воспитание, а сестрой – ее дочь одного с ним возраста, которую звали Аленкой. Водима успел привязаться к девочке всем сердцем, прежде чем остался совсем один: однажды исчезла не только Аленка, но и все люди из общины, которых он считал своей родней.

Но Аленка исчезла раньше, и Водима не смог простить Мастеру то, что он выбрал ее, а не кого-нибудь другого. Однажды Водима не сдержался и набросился на учителя с кулаками. Возможно, поэтому Мастер не взял его с собой, когда уходил со всей общиной в Лукоморье, чтобы уже никогда не возвращаться обратно.

Еще в раннем детстве, до того как он лишился родителей, Водима узнал историю о Лукоморье, передававшуюся в общине из уст в уста.

Говорили, что еще триста лет назад один человек, живущий далеко от здешних мест, раздобыл карту, на которой было отмечено расположение Лукоморья, и отправился на поиски волшебной страны, а за ним последовали люди из его деревни и стали называть его Мастером.

Люди, покинувшие благодатные места Черноземья, побросавшие дома и хозяйство, не были готовы к страшным лишениям, но покорно шли за своим вождем, умирая по дороге один за другим. Они шли в край лютых морозов, превращающих конечности в черные гнилушки, край ледяной земли, не способной родить, край странных дней и ночей, длящихся по полгода.

Однажды странники нашли временное убежище в поселке кочевников, наткнувшись на него посреди снежной пустыни. Весной, когда сошел снег, выяснилось, что выбранное место почти полностью окружено водой: поселок оказался в устье реки, впадающей в море. Мастер изучил карты и определил, что на самом деле это не море, а залив, где происходит слияние двух водных стихий: река Обь смешивает свои воды с водами Карского моря, и образовавшийся водоем называется Обской губой, а значит, они пришли как раз туда, куда нужно. Так появилась община, в которой родился и вырос Водима.

Шли годы, к поселению прибывали скитальцы из других мест, оседали поблизости, строили новые дома. Вскоре разросшийся поселок получил название Нумги – такое же, как у реки, на берегу которой располагался, – и был нанесен на географические карты. К тому времени люди из общины занимали в нем всего одну улицу. К прочим жителям они относились по-соседски дружелюбно, но держались особняком, в свои секреты не посвящали, строго оберегая тайну о Лукоморье от посторонних ушей.

В общине поговаривали, что нынешний Мастер и тот, который привел людей на север – это один и тот же человек, то есть ему больше трехсот лет. Водима в такое не очень-то верил. Правда, делал вид, что верит, боясь рассердить старших. Но еще больше он боялся оказаться недостойным перейти в Лукоморье. Все в общине этого боялись.

Но быть достойным было нелегко. Для этого требовалось постичь истинную любовь к ближнему и без сожаления отпускать в Лукоморье своих родных – жен, мужей, детей, на которых пал выбор Мастера, а самим смиренно ждать своей очереди. Так они и жили, скрывая горе, в ожидании дня, когда смогут встретиться со своими любимыми и вновь обрести потерянное счастье. Ждал и Водима. Он слышал, как люди, перешептываясь украдкой, называли Лукоморье Лихоморьем – дескать, от него одни беды да лишения, и лучше бы его вовсе не было.

Каждый год Мастер выбирал одного человека и уводил его в чудесный мир, а место перехода хранил в тайне от всех, чтобы недостойные не могли туда попасть, объясняя людям: «Для вашего же блага лучше дороги туда не знать. В Лукоморье две стороны: светлая и темная. Кто не готов, того светлый мир не примет, и будете тогда на темной стороне маяться на потеху поганой нечисти!»

Водима помнил, что жили они хорошо, всего у них было в достатке: и еды, и одежды, и денег. Из разговоров он слышал, что Мастер будто бы выносил кое-что из Лукоморья, где, как известно, полно было всякого добра, даже злата-серебра и самоцветов, а после сбывал скупщикам, – вот откуда бралось такое изобилие.

Но однажды Мастер тяжело заболел. В общине пошли разговоры о том, что учитель умирает и нужно поскорее выбрать достойного преемника, способного перенять тайные знания. К Мастеру посылали самых лучших людей общины, но он прогонял их одного за другим, не желая никого видеть. В конце концов, очередь дошла и до Водимы.

Что удивительно, Водиму он почему-то принял, несмотря на то, что за несколько дней до этого они повздорили – точнее, Водима пытался поколотить учителя из-за Аленки. Вид у Мастера был жуткий: тело казалось высохшим, узлы суставов бугрились на тонких костях, лицо отливало синевой и в полумраке спальни походило на череп, обтянутый кожей. Он долго смотрел на своего ученика и, казалось, силился что-то сказать. Воздух с шипением вырывался из его рта, и Водима склонился над больным, пытаясь разобрать слова. «Оно близко, – слышалось ему в хрипе Мастера, угасавшего прямо на глазах, будто вместе со словами из него выходили остатки жизненной силы. – Но я не успел. Пришла твоя очередь. Спаси их всех!»

Водима пообещал всех спасти, посчитав, что спасти нужно тех, кого Мастер не успел увести в Лукоморье. Хотя он давно подозревал, что далеко не все люди в общине мечтали попасть в лучший мир. Многие радовались тому, что имели, и не хотели ничего менять. Особенно хорошо стало с тех пор, как в округе обнаружили месторождения природного газа, и вместе с этим исчез страх перед лютыми зимами. Поселок сразу разросся, разжирел, как дистрофик на сытных харчах. Легенды о Лукоморье, передававшиеся из уст в уста, стали забываться.

Водима думал, что после смерти Мастера никто больше и не вспомнит о Лукоморье, но все вышло иначе. Мастер не умер. Он исчез вместе со всей общиной. После такого забыть о Лукоморье было уже невозможно. Водима решил найти это мифическое место во что бы то ни стало. Любой ценой. Ведь теперь у него не было выбора.

Одновременно с исчезновением Мастера умер и поселок Нумги. Всех жителей расселили в другие районы, а потом отключили в опустевших домах отопление и электричество. Незадолго до того, как это произошло, Водима, тогда еще молодой двадцатилетний парень, загремел со сломанной ногой в больницу, находившуюся в соседней Ныде. Перелом оказался сложным, кости срастались медленно, с помощью металлической конструкции со спицами, вставленными в ногу. Каркас сняли только через два месяца. При выписке ему сообщили, что возвращаться в Нумги ему больше незачем: жители разъехались, а все его вещи были перевезены силами местной администрации в интернат. Там ему предложили ставку сторожа вместе с комнатой для постоянного проживания.

Тогда жизнь Водимы и перевернулась в одночасье.

В тот далекий 2001 год сотовые телефоны были еще большой редкостью, а в маленьком северном поселке о них вовсе не слышали, поэтому позвонить никому из своих он не мог. Попытки узнать, куда уехала вся община вместе со старым Мастером, ни к чему не привели. Данные были только о работавших в Нумги геологах, а те люди, о которых наводил справки Водима, как в воду канули. В администрации отвечали, что из Нумги вывозили всех желающих в подготовленное для них жилье, но некоторые жители захотели переехать в другое место: одних потянуло поближе к родственникам, других – в более теплый климат. Тем, кто не воспользовался предложенным жильем, просто выдали денежную компенсацию, не уточняя, по какому адресу они направляются.

Чувство, что его предали, так и не прошло с тех пор. Водима подозревал, что никто из общины никуда не уехал: не могли же они оставить место, где, согласно старым картам и легендам, находился лучший мир – Лукоморье. «Как так вдруг все вдруг исчезли?! Почему никто обо мне не вспомнил?! – терзался он вопросами, разъедающими душу. – Почему никто не приехал, чтобы сообщить, где мне потом их искать?! Потому что мне все равно не попасть туда, куда они ушли? Может, все они посчитали меня недостойным?!»

Отправившись в родной поселок, чтобы воочию убедиться, что там никого нет, Водима был потрясен увиденным: Нумги встретил его пустыми глазницами оконных проемов и зияющими провалами в стенах – дома уже начали растаскивать по частям жители окрестных сел. Квартиры, в которых проживали люди из общины, выглядели так, будто хозяева покидали их в спешке и взяли только самое необходимое: на полу валялась битая посуда, возле шкафов висели кучи сброшенной с полок одежды. При этом на месте осталась вся мебель, которую нельзя было унести в руках, зато исчезла мелочь вроде стульев, занавесок и ковров. Водима заглянул в квартиру Мастера – там царил такой же беспорядок. Выглядело все это подозрительно и наводило на мысли о грабеже, потому что едва ли нормальный хозяин стал бы так варварски обращаться со своим нажитым добром. Эти подозрения окрепли еще сильнее, когда Водима наткнулся на святыню Мастера – старинную карту Лукоморья, которую случайно обнаружил в скомканной серой тряпке, валявшейся на полу. Поддетая ногой, тряпка развернулась, и его взгляду открылся знакомый географический рисунок, в центре которого выделялась надпись

«*Lucomoria*». Водима поднял реликвию и осмотрел: холст нигде не пострадал, но грязных пятен на нем прибавилось. Он бережно свернул находку в рулон, как это делал учитель, и спрятал в карман куртки. Озадаченный тем, что Мастер не взял с собой даже карту, Водима только укрепился в своем мнении, что учитель вместе со всей общиной ушел в Лукоморье, а квартиры были разграблены уже после того, как их покинули жильцы. Он еще раз прошелся по этажам, чтобы окончательно убедиться в том, что жилых квартир нигде не осталось. Жуткая унылая картина разрушений развеяла последние надежды: выжить здесь в таких условиях никто бы не смог, а значит, искать кого-то в стылых стенах смысла не было.

Искать надо было не здесь.

Дверца мерзлотника, вмурованная в холм, возвышающийся над заливом рядом с опустевшим поселком Нумги, словно поманила его. До нее было рукой подать. Водима собирался нарушить запрет Мастера, считая, что теперь, когда учитель бросил своего воспитанника на произвол судьбы, этот запрет утратил силу. И Водима вошел в мерзлотник.

То, что случилось потом, страшно было вспоминать. Но он выбрался.

А затем вернулся в интернат и остался там навсегда. С тех пор минуло два десятка лет.

Дети в интернате жили по строгому распорядку дня и сейчас как раз возвращались с прогулки. По случаю потепления до минус двадцати пяти их выпустили подышать свежим воздухом. Водима, который по просьбе воспитателя помогал присматривать за порядком, прогуливался по узкой дорожке между высокими сугробами, разглядывая новенькую, стоявшую в одиночестве в стороне от гомонящей розовощекой толпы. Девушка выглядела старше, чем он предпочитал, на вид ей было лет шестнадцать, но привлекла его внимание в первый же день, как только перешагнула порог интерната. С тех пор Водиму заботила лишь одна проблема: как выбрать наиболее подходящий момент для их первой беседы, чтобы не оттолкнуть ее от себя и по возможности произвести самое благоприятное впечатление. После ее приезда прошло уже несколько дней, но Водима не спешил, чтобы дать ей освоиться.

Впервые заглянув в глаза новенькой, он сразу разглядел тоскующую неприкаянную душу и понял, что эта девочка подходит ему больше других. Такая с легкостью ухватится за возможность уйти в лучший мир, ведь в этом мире ей явно не нравится, и не только потому, что она оказалась в интернате – скорее всего, это событие стало еще одним несчастьем в ее большой копилке.

Поначалу никому из новеньких здесь не нравится. Редко обходится без слез и капризов, особенно в момент прощания с родителями, которые стыдливо прячут глаза или подбадривают детей с притворной веселостью, обещая приезжать почаще, хотя и знают при этом, что едва ли вернутся сюда до весны. Но рано или поздно все дети привыкают, они ведь так устроены: не могут долго грустить, в них слишком много задора. Поэтому Водима понимал, что с первой беседой нельзя тянуть слишком долго – важно войти к ней в доверие до того, как девушка обзаведется здесь друзьями и вновь начнет радоваться жизни, ведь подобраться к ней потом будет куда сложнее.

Несмотря на «потепление» после пятидесятиградусных морозов, было все равно очень холодно, и Водиме показалось, что новенькая одета не по погоде легко. Наверное, там, откуда она приехала, всю зиму ходят в таких тонких курточках, какая была на ней. А здесь, на Ямале, почти до самого апреля господствует лютая стужа. Куда смотрели ее родители, собирая ребенка для переезда на Крайний Север?! Интересно, есть у девочки вещи потеплее? Вид у новенькой был совсем несчастный – вот-вот заплачет, едва сдерживается. Наверняка, как только доберется до спальни, слезы тотчас и хлынут. Видно, долго будет привыкать. С такими одни проблемы: отказываются от еды, ни с кем не общаются, а то и пытаются сбежать, а это хуже всего. Замерзнут насмерть – отвечай потом за них! Зимние ночи в Заполярье прожорливые: кто не

спрятался, тот, считай, пропал. За такими, как эта дуреха, глаз да глаз нужен. Как привезли ее, так теперь приходится все время в камеры видеонаблюдения пялиться, и не выспишься. Не то чтобы он слишком боялся гнева администрации или ответственности – он-то не воспитатель, в его обязанности присмотр за детьми не входит, хотя, если случится побег, нервы потреплют, конечно. Он должен был сберечь новенькую для своей цели, и придется ему приглядывать за ней, пока не сойдет снег.

Водима никак не мог вспомнить ее необычное имя.

– Тильда! – закричали из толпы. Новенькая остановилась и обернулась. Черноголзый парень – ненец, а может, ханты, с виду не разберешь, – шел по дорожке, направляясь к ней. Всех коренных северян Водима про себя называл ненцами. В интернате они были в большинстве. На лето родители-кочевники забирали отпрысков в свои юрты, разбросанные по просторам тундры, и тогда здание совершенно пустело.

Водима подумал, что «Тильда» может быть сокращением от «Матильды». Не современное имя. Наверное, родители назвали ее так в честь бабушки или даже прабабушки. А этого парня звали Якуром, и был он старше всех воспитанников, потому что, насколько помнил Водима, его раза два как минимум оставляли на второй год.

Водима сразу заметил, что Якур все время крутится возле Тильды. Неужели они успели подружиться? Только этого вездесущего проныры ему не хватало! Вечно сует свой плоский нос, куда не просят, а глаза до чего хитрющие – никогда не знаешь, что у него на уме! Этот ненец может сильно осложнить дело. Надо будет придумать, как убрать его подальше от девчонки.

Расплывшиеся было в улыбке губы новенькой внезапно залепило огромным снежком, прилетевшим ей в лицо, и компания старшеклассников, стоявшая чуть поодаль, разразилась смехом. Якур грозно сдвинул широкие черные брови к переносице и окинул взглядом хохочущих подростков. Определив среди них метателя снежка, парень бросился на обидчика, сбил с ног, и вместе они рухнули в снег.

«То, что надо! За эту выходку драчуна точно посадят под замок на несколько дней. Этого как раз хватит, чтобы поработать с новенькой, прежде чем он наболтает ей всякое», – подумал Водима, наблюдая за тем, как мальчишки мутузят друг друга, не замечая приближающейся к ним с грозным видом воспитательницы Розы Ивановны, женщины на редкость мощного телосложения. За глаза воспитанники вместо «Роза» называли ее «Гроза», и это прозвище, по мнению Водимы, ей вполне подходило.

С нарушителями дисциплины Гроза никогда не церемонилась. Вот и теперь она вцепилась мертвой хваткой в капюшон куртки Якура, болтавшийся за его спиной, и дернула что было сил. От неожиданности парень не успел среагировать, не удержался на ногах и опрокинулся на спину, беспомощно взмахнув руками.

– Отпустите! – хрипло выкрикнул он. Воротник куртки врезался в шею, и парню стало трудно дышать.

– Заткнись, ничтожество! – злобно рявкнула воспитательница, обернувшись к нему; сейчас она больше походила на надзирательницу из какой-нибудь тюрьмы, чем на школьного педагога. – Не понимаю, зачем государство тратит ресурсы на образование для одноклеточных организмов вроде тебя?! Твое место в тундре, рядом с оленями! А оленеводам вряд ли пригодится умение читать и писать. К тому же такого тупицу, как ты, вообще ничему нельзя научить!

– Отпусти меня! – Смуглое лицо Якура побагровело от удушья, он обеими руками пытался оттянуть воротник от горла, но неумолимая Гроза Ивановна продолжала идти вперед, волоча за собой провинившегося воспитанника.

Притихшие дети потянулись следом, только новенькая осталась стоять на месте, прижав ладони к щекам. Водима направился к ней, решив, что подвернулся подходящий момент для знакомства и не стоит его упускать.

Ее длинные ресницы обнесло густым слоем инея, а глаза оказались такого же дымчато-синего цвета, как вода в Обской губе, перекатывающаяся под истончившимся апрельским льдом.

Водима подбирал слова, собираясь сразу расположить ее к себе, но она его опередила, выпалив:

– Помогите ему! Она же его задушит!

– Не задушит, не впервой. – Он успокаивающе положил ей одну руку на плечо, а другой протянул засохшую конфетку, давным-давно валявшуюся в кармане его тулупа. Она взяла – похоже, машинально или из вежливости. Есть, конечно, не стала, и конфетка перекочевала в карман ее тонкой курточки.

– Как она смеет?! – произнесла новенькая дрожащими губами. – Так нельзя обращаться с учащимися! Ее должны уволить за такое!

– Учителей и воспитателей у нас всегда не хватает... А с драчунами по-другому нельзя, иначе никакого порядка не будет. В другой раз он подумает, стоит ли махать кулаками. Пойдем-ка в тепло, ты ведь замерзла совсем! – Водима потянул ее за руку, и она послушно пошла за ним.

Все дети шли за ним, когда он этого хотел. Он знал, что обладает даром внушения. Но в том-то и дело, что они должны были сами пожелать пойти за ним, но не в интернат, а в другое место, гораздо более темное и страшное. Для этого ему приходилось обманывать их, чтобы потом предать. Голос зла, время от времени наполняющий свистящим шепотом голову Водимы, говорил, что тех, кого предали, легче увести во мрак. Впервые услышав эти слова, Водима с тоской подумал о том, что тот, кто предал, и подавно никуда не денется.

Они поднялись на крыльцо, прошли через вестибюль мимо гардеробной и, свернув в один из коридоров, остановились перед стальной дверью. Водима отпер ее ключом, за ней была еще одна дверь, деревянная, которую он обычно оставлял открытой и теперь распахнул легким толчком.

– Это мой кабинет. – Он пропустил девочку вперед и, оглянувшись, поспешно прикрыл дверь за собой. Кажется, никто не видел, что они вошли вместе. – Будешь чай?

Не дожидаясь ответа, он включил электрический чайник, стоящий на низком столике рядом с диваном, и с сомнением посмотрел на остатки старого печенья в треснутой пластмассовой вазочке: угощать гостью было особенно нечем. Но ей, похоже, этого и не требовалось, она прошла к рабочему столу и остановилась перед двумя большими мониторами, на которых транслировались кадры, поступающие с камер видеонаблюдения, расположенных внутри и снаружи здания интерната.

– Ого! Вы за всеми отсюда следите? – спросила она, разглядывая экраны, поделенные на квадратные сектора «окнами», показывающими происходящее в различных местах: в учебных классах, коридорах, в столовой, в школьном дворе.

– Такая работа. Отвечаю за безопасность.

Гостя понимающе кивнула и уселась во вращающееся кресло перед столом. Настороженность во взгляде исчезла, плечи опустились – расслабилась. Вовремя произнесенное слово «безопасность» всегда работало.

– Меня зовут Тильда, – сказала она, крутанувшись в кресле и оказавшись лицом к нему. – А тебя?

«Перешла на «ты» – хороший знак!» – отметил он и назвал свое имя.

Она тут же заговорила снова:

– Я в интернате ненадолго, на следующий год не останусь. Отец меня в июле отсюда заберет. – Тильда произнесла это с такой дрожью в голосе, что ему стало ясно, как сильно она страдает.

– Конечно, заберет! – согласился он, желая подбодрить её. – А если не заберет нас всем, то приедет навестить. У нас есть комнаты для родителей, где твой отец сможет погостить несколько дней.

– Нет, он меня точно заберет! – Тильда побледнела, напуганная такой перспективой. Наверное, каждый день, прожитый в интернате, давался ей нелегко.

Водима встревожился: а вдруг ее заберут раньше, и он не успеет воплотить задуманное? Можно, конечно, выбрать любого другого ребенка, но ведь эта девочка – просто идеальный вариант! Несчастливая, обиженная и слабая – у такой не будет шансов вернуться назад. Еще одно возвращение он может и не пережить. Последний раз, когда это случилось, у него почернели кисти рук и ступни, а потом и ноги отказали. Он едва успел все исправить.

Звонок телефона отвлек его от воспоминаний. Звонил стационарный аппарат внутренней связи интерната, стоявший на столе. Водима подошел и снял трубку. Оттуда донёсся громкий сердитый голос заведующей кухней Нонны Петровны, которую за глаза все звали Тонной:

– Ты что, вообще в камеры не смотришь?! Я опять десять кило свинины недосчиталась! Сколько раз говорила: надо проверять всех, кто с сумками выходит!

– Не городи ерунды! Мимо меня муха не пролетит! Приходи, сама съемку с камер посмотри: никто с большими сумками из здания не выходил!

– Да что ж за чертовщина! Не испаряется же оно, а? Разве что его кто-то, не выходя из интерната, сырым жрет?! – распалялась заведующая и тут же ухватила за собственную догадку: – А что? Известно ведь, что ненцы мороженую строганину едят! Пройдись-ка по спальням, по тумбочкам как следует пошарь – вдруг они где-то мясо припрятали?

– Ладно, погляжу. Но сомнительно это. Может, обсчиталась ты?

– Как же, обсчиталась! За дуру-то меня не держи! Воруют у нас, и давно! А ты вычислить никак не можешь! Хреновый из тебя охранник, получается! Не найдешь вора – буду начальству писать, чтоб нормальную охрану наняли, значит!

Затем послышался грохот брошенной на рычаг трубки, прервавшийся короткими гудками.

Повисла неловкая тишина, нарушаемая ритмичным скрипом: Тильда крутилась в кресле из стороны в сторону, старательно изображая невозмутимость, но лицо покраснело так, будто прозвучавшие по телефону угрозы предназначались ей. Конечно, она все слышала. Наверное, сочувствует ему сейчас. И это хорошо. Теперь он не сомневался, что девочка ему поверит.

– У тебя неприятности, – пробормотала она, нервно постукивая ногой по полу. – Я пойду, наверное.

– Нет, что ты! Ерунда! – заверил её Водима и решил, что пора действовать, пока им еще кто-нибудь не помешал. – Я тут хотел тебе кое-что показать. Ты умеешь хранить секреты? – Услышав его вопрос, Тильда мгновенно заинтересовалась: повернулась к нему, вскинула брови и уставилась с любопытством.

– Вот! – Он развернул перед ней рулон коричневого холста, который заранее незаметно выудил из укромной ниши, скрытой за шкафом. Это была старинная рукописная карта, найденная им двадцать лет назад в опустевшем Нумги, – единственная вещь, оставшаяся у него в память о Мастере. По фамилиям, указанным на полях, Водима выяснил, что составителями карты были западноевропейские путешественники семнадцатого века. Линии, названия и обозначения ландшафта были нанесены на холст масляными красками и неплохо сохранились.

Тильда порывисто склонилась над потемневшим от времени и покрытым пятнами куском ткани, медленно прошлась указательным пальцем по цепочке латинских букв, протянувшейся вдоль жирной извилистой линии, обозначающей разделение суши и водного пространства, и прочла:

– «Лу-ко-мо-ри-а»... – Подняв голову, метнула в него недоверчивый взгляд и повторила вопросительно: – Похоже на Лукоморье.

– Точно! – кивнул он с довольной улыбкой, предвкушая шквал вопросов и возражений. Тильда провела ладонью по холсту, расправляя едва заметные складки, и вкрадчиво спросила:

– И что это за карта? Для какой-то настольной игры?

– Нет. Обычная карта. Настоящая. И очень старая.

– Ой, да не может быть! – воскликнула она с усмешкой, но глаза уже загорелись. – Лукоморья-то по-настоящему нет!

– С чего ты это взяла?

– Ну, так все же знают, что это выдумка из сказок Пушкина!

– Ну, а почему ты решила, что Пушкин его придумал? О Лукоморье знали еще до его рождения. Вот ты помнишь, в каком году он родился?

– Эм-м-м... – Она задумалась на мгновение, потом вдруг спохватилась, вынула из внутреннего кармана куртки телефон, пробежалась пальцами по экрану и через мгновение воскликнула: – В тысяча семьсот девяносто девятом!

– А теперь обрати внимание на год издания карты. Вон он, в нижнем левом углу, рядом с фамилиями составителей. Ну что?

Ему было смешно наблюдать за тем, как скептицизм на ее лице сменяется восторгом:

– Тысяча семьсот пятнадцатый! Ого! Ничего себе! Правда, что ли, было настоящее Лукоморье? То самое, где по цепи ходил говорящий кот? Но ведь говорящих котов не бывает!

– Конечно, не бывает. Каждый сказочник может придумать что угодно, хоть, например, что в Африке водятся летающие слоны. Но если не бывает летающих слонов, это же не значит, что и Африки тоже нет. Понимаешь?

Тильда задумалась и через минуту спросила:

– Ну, тогда, значит, настоящее Лукоморье было обычной страной, а не волшебной.

– На этот счет я тебе так скажу: если захочешь, можешь отправиться туда и сама все увидеть. Я знаю дорогу и могу тебя проводить.

– Ну конечно, так я тебе и поверила! – Она откинулась на спинку кресла и презрительно сморщила тонкий носик.

– Можешь не верить и не ходить. И никогда не побываешь в Лукоморье! – Он притворился обиженным. Это подействовало. Она заерзала в кресле, вращая его из стороны в сторону, и произнесла извиняющимся тоном:

– Да почему бы и нет? Можно и сходить... интересно же. А что, это где-то недалеко?

– За час доберемся, но надо на лодке переправляться, поэтому лучше дождаться, пока лед сойдет, иначе опасно.

– А когда он сойдет?

– В июле.

– А-а... – Она разочарованно взмахнула рукой. – В июле меня уже здесь не будет! Жаль... И что, раньше нельзя пойти? По льду, пока он еще крепкий?

– Можно, но все же это опасно: слишком холодно, мы замерзнем. Да и вход замело так, что за весь день не откопать.

– Ну, значит, не судьба! – Тильда разочарованно вздохнула. – Расскажи хоть, что за Лукоморье такое. Ты же там был?

– О, да! Тысячу раз! – соврал он не моргнув глазом и, набрав побольше воздуха, принялся врать дальше, смешивая ложь с воспоминаниями из детства. – Это самое чудесное место, какое только можно себе представить! Там всегда тепло и светит солнце, нет ни зим, ни ночей. А начинается Лукоморье с солнечного сада, который называется Ирием. Есть мнение, что Ирий и Рай – это одно и то же.

– Никогда ничего не слышала про Ирий! – В глазах Тильды все сильнее разгоралось любопытство.

– Вот, послушай, что в древней сказке о нем говорится! – Водима напряг память, вспоминая слова, заученные в детстве на уроках Мастера:–***«И поют птицы сладко в Ирри, там ручьи серебрятся хрустальные, драгоценными камнями устланные, в том саду лужайки зеленые, на лугах трава мягкая, шелковая, а цветы во лугах лазоревые. Не пройти сюда, не проехать, здесь лишь боги и духи находят путь. Все дороги сюда непроезжие, заколодели-замуравели, горы путь заступают толкучие, реки путь преграждают текущие. Все дорожки-пути охраняются василисками меднокрылыми и грифонами медноклювыми».*

– Так это всего лишь сказка! – воскликнула она. – А сам-то ты что видел?

– Не перебивай, или я не буду дальше рассказывать! – Он окинул ее сердитым взглядом, но тут же улыбнулся, увидев, как трогательно она прижала ладошку к губам. – То, что я там видел, в двух словах не описать. Но вот что примечательно: не везде в Лукоморье одинаково прекрасно. Там две стороны – светлая и темная; в одной всегда день и лето, в другой – ночь и зима. Заметь, чем-то похоже на полярные день и ночь, длящиеся на Крайнем Севере по полгода.

– Темная сторона? – Тильда насторожилась. – И какая она? Страшная?

– Еще бы! Темная сторона – полная противоположность светлой. Кроме тьмы и холода, там еще живут всякие злобные существа. В той же сказке есть строки о том, как она появилась: ***«И в провал, в ущелье, в подземный мир по хотенью-веленью сварожьему был низвержен Змей – подземельный царь: лютый Черный Змей, повелитель тьмы. Вслед за Змеем в царство подземное стали падать все силы черные. Полетел Грифон – птица грозная, полетел и Вий – подземельный князь, сын великого Змея Черного. Тяжелы веки Вия подземного, страшно войско его, страшен зов его».*

Водима вдруг замолчал, испугавшись, что чересчур увлекся и наговорил лишнего. Он затеял этот разговор, чтобы подготовить Тильду к предстоящему путешествию по подземному тоннелю, наполненному пугающими звуками, но, кажется, слегка переусердствовал.

– А дальше? Что стало с черными силами? – спросила она, заметив, что он не собирается продолжать.

– Не вижу смысла рассказывать об этом, ведь ты же не хочешь туда попасть, да? – уклончиво ответил Водима.

– Пожалуй, не хочу. – Она неуверенно кивнула. – Но все же интересно взглянуть одним глазком, что же там такое. Хотя бы издали. Ты и на темной стороне был?

– Нет, что ты! Только самоубийца может отправиться в такое место по доброй воле. Я проходил мимо и слышал страшные вопли, доносящиеся оттуда. Сразу ясно, что издают их какие-то чудовища.

– А на что похожи эти вопли?

– На голоса животных из ночных джунглей, на плач сотен брошенных младенцев, на хохот буйных сумасшедших... только в сто раз страшнее. Вой, стоны, дикий визг – чего там только не услышишь! Жуть такая, что и вспоминать не хочется! Но я не ожидал, что ты так заинтересуешься темной стороной!

– Вообще-то мне все интересно! – Тильда задумчиво разглядывала карту. – Если уж эти крики так сильно тебя испугали, то я, наверное, вообще бы от страха умерла!

– Ничего страшного, если знаешь, куда надо идти и куда не надо, – уверенно произнес Водима. – Со мной тебе нечего опасаться.

– Вряд ли у меня получится пойти. Ведь в июле меня папа заберет! – Она вздохнула со смесью сожаления и надежды.

«Пусть мечтает! – снисходительно подумал Водима. – Никто, кроме меня, ее отсюда не заберет. Уж я позабочусь!» Он хрустнул костяшками пальцев, пытаясь унять дрожь в руках. Взгляд его замер на отливающих синевой ногтях. Их цвет изменился вскоре после первого посещения мерзлотника, и с тех пор эта синева напоминала ему о том, что произойдет, если

вовремя не заплатить дань. К концу отпущенного срока ногти станут черными, а затем начнут неметь пальцы. Успеть бы! Время в запасе у него еще есть, до июня можно не переживать, а там... В крайнем случае, придется пойти на риск и плыть к мерзлотнику в ледоход. Расстояние, которое нужно преодолеть по воде, не так уж велико – всего-то несколько километров. Можно плыть медленно, расталкивая льдины веслами, главное – чтобы в заливе не штормило. Сложнее будет пройти по болотистой земле – она еще не успеет как следует просохнуть после таяния снега. Даже прочная тропа в это время превращается в грязное месиво.

Самое главное – дотерпеть до окончания занятий в школе-интернате. Только тогда можно будет устроить все так, чтобы отсутствие воспитанника никого не беспокоило. А вот во время учебного года сделать это было намного сложнее, и Водима не хотел рисковать.

За окнами кабинета стремительно тусклоло небо, – подступающие сумерки щедро разливали всюду грязную синеву. Водима рассеянно обозревал скучное однообразие: в зимнем пейзаже глазу не за что было зацепиться, да и летом было всего-то красот, что мшистая тундра да стывшая вода кругом, и те показывались всего на пару-тройку месяцев в году, а затем вновь скрывались под белым покровом, стирающим все картины подобно ластик. Но где-то здесь было скрыто мистическое Лукоморье – чудо света, о котором он так много знал и которое искал долгие годы. Искал не ради лучшей жизни, а чтобы взглянуть в глаза тем, кто счастливо жил там, забыв о родственнике, оставленном в больнице два десятка лет назад.

Линия горизонта за окном представлялась ему границей миров. Водима даже привстал на цыпочки в стремлении заглянуть за ледяной край, но тот лишь отодвинулся чуть дальше.

Голос Тильды отвлек его от грустных мыслей.

– Обед начался. Наши уже пошли. – Она смотрела на мониторы. В секторах, изображающих школьные коридоры, появились толпы воспитанников.

– Беги скорей! – Он снял со спинки кресла ее куртку и держал, пока она поспешно засовывала руки в рукава.

– Можно, я потом еще приду? – спросила Тильда уже в дверях.

– Вообще-то такое у нас запрещено. Воспитанникам не положено находиться в служебных помещениях, тем более в кабинете охраны! – возразил он, вовсе не собираясь отказывать ей и ожидая немедленного протеста.

– Да никто не узнает! Я прокрадусь, как мышка! – выпалила Тильда, буравя его требовательным взглядом. Глаза её горели любопытством. Надо же, он и не ожидал так быстро разжечь в ней интерес!

– И ты никому не проболтаешься? – спросил он, едва сдерживая улыбку.

– Никому! – Ее светлая челка подпрыгнула на лбу в момент энергичного кивка.

– А друзья у тебя здесь есть?

– Нет... Пока что нет.

– Что ж, если хочешь, я буду первым твоим другом. Приходи после ужина, и я расскажу тебе, кто живет на светлой стороне Лукоморья.

– Вау! – Тильда широко распахнула глаза. – Кто? Скажи сейчас!

– Тебе пора идти!

– Ладно, тогда до встречи! – Юная гостья скрылась за дверью.

И сразу после ее исчезновения на него навалилась давящая тишина. Ему было не привыкать: большую часть жизни он провел в этом тихом кабинете в абсолютном безмолвии. Кабинет заменил ему дом, а тишиной он даже иногда наслаждался, особенно после вечернего обхода интерната – в спальнях детей вечно стоял невообразимый шум, и приходилось прилагать немало усилий для наведения порядка.

Но сейчас внезапно возникшая тишина вызвала нестерпимо болезненное чувство одиночества. Он прошел к столу, достал из ящика пульт и впервые за несколько лет включил висев-

ший на стене телевизор. Но легче ему не стало. Звуки, хлынувшие из динамиков, не доходили до его сознания, потому что голова была занята тягостными мыслями.

Он скрутил в рулон карту, перетянул ее резинкой и направился к шкафу, собираясь вернуть на место. Просунув руку в проем между шкафом и стеной, он положил карту в нишу, служившую тайником. Пальцы скользнули по бетонному нутру ниши, покрытому толстым слоем масляной краски. На мгновение показалось, что это не краска, а ледяная корка, и от жуткого воспоминания по телу прошла волна крупной дрожи: стены мерзлотника тоже были на ощупь гладкими и холодными, только гораздо холоднее – кожу ладоней жгло от прикосновения к ним. Ему не хотелось до них дотрагиваться, но стены служили единственным ориентиром в кромешном мраке, когда он двигался в поисках выхода, скользя окоченевшими пальцами по мерзлой поверхности. Он выбрался, но знал, что так и остался пленником ледяного подземелья – пленником зла, притаившегося в мерзлой глубине, среди теней, плавающих в белесых пятнах потустороннего света.

Внезапно движение слева привлекло его внимание: входная дверь открылась, впуская внутрь кабинета высокого мужчину в черном костюме. Водима узнал директора интерната, не часто снисходившего до визитов к нему, и удивился, что тот не только явился без предупреждения, но даже вошел без стука.

– Вадим Бранимирович! – воскликнул директор с явным раздражением и, выдержав паузу, добавил сердито: – Здравствуйте!

– Здравствуйте, – ответил он, подавив желание сообщить, что его имя не «Вадим», а «Водима», означающее на старославянском «вождь». Но даже если бы он попытался, кипевший от негодования директор не дал бы ему такой возможности, явно собираясь учинить допрос.

– Это ведь вы отвечаете за безопасность детей в интернате, если я не ошибаюсь?!

Водима только вздохнул, понимая, что вместо ответа нужно принять как можно более виноватый вид и внимательно выслушать.

– Так почему же вы допускаете такое безобразие?! – продолжал наседать директор. – Я случайно обнаружил дверь в бомбоубежище не только не запертой, а вообще распахнутой настежь!

– На утреннем обходе она была закрыта на замок, я проверял! А видеокамер над ней нет... Странно, кому могло понадобиться туда пойти? – Он попытался оправдаться, но вряд ли его слова были услышаны.

– Немедленно закройте дверь! И учтите: она должна быть всегда заперта. Всегда! Там же разруха, и дети могут покалечиться, если заберутся туда!

– Конечно, конечно, буду впредь внимательнее... – Бормоча дежурные в этих случаях фразы, Водима уже перебирал ключи в большой деревянной ключнице, разделенной на множество пронумерованных ячеек. Связка ключей от этой двери была на месте, но ключей в ней всегда было три, а теперь одного не хватало. Он попытался вспомнить, давал ли ключ кому-нибудь из персонала. Бомбоубежище давно находилось в аварийном состоянии, им не пользовались ни в учебных, ни в хозяйственных целях и хотели отремонтировать в прошлом году. Тогда строители брали у него ключ для осмотра помещения, но потом вернули, а ремонт так и не начался.

Директор уже ушел, но надо было поторапливаться и поскорее запереть дверь, не дожидаясь, когда ему напомнят об этом в более резкой форме.

Через пять минут Водима стоял возле двери в бомбоубежище и с недоумением дергал за ручку. Дверь была заперта. Он открыл замок ключом и закрыл обратно, чтобы убедиться в этом наверняка, ведь дверь могла не поддаваться из-за того, что дверные петли заклинило от ржавчины или от перекоса дверной коробки. «Говорите, распахнута настежь, уважаемый директор? Странные у вас шутки, однако! – бормотал он, возвращаясь назад. – Должен признаться, я совсем ничего не понял».

Небесные дүхи

– Ты?! Ты?! – Тильда задыхалась от возмущения. Дикий ужас, только что сотрясавший все ее тело, исчез без остатка, как только она разглядела внешность напавшего на нее «маньяка». Красноватый свет дежурного освещения придавал его лицу мрачность, но Тильде в эту минуту оно казалось самым прекрасным на свете. А еще впервые в жизни ей хотелось обнять и вместе с тем побить малознамого человека – парня, стоящего перед ней на лестничной площадке под чердачным люком.

– Прости, я же не знал, что ты тут, а то не пошел бы сюда, – оправдывался он едва слышно. – Я боялся, что ты заорешь. Нельзя, чтобы меня здесь нашли, иначе могут догадаться о моем тайном убежище. Хочешь, покажу тебе его?

Тильда кивнула, не раздумывая. Перспектива отправиться в секретное место казалась ей куда привлекательнее возвращения в пустую тихую комнату, где снова весь вечер ее будут мучить грустные мысли.

– Только тихо! – Парень, наконец, отпустил ее и подошел к металлической лестнице, выходящей вертикально над перилами и упирающейся в чердачный лаз в потолке. – Полежай за мной!

Он поднялся по железным перекладинам, повозился какое-то время у крышки люка, будто вытаскивал что-то из щелей в досках, потом уперся в крышку обеими руками и толкнул ее вверх. Оттуда хлынул поток холодного воздуха, пронизывая Тильду до костей. Несколько снежинок закружилось перед ее лицом и осело на одежде.

Ноги парня исчезли в темноте, и из проема в потолке высунулась его рука.

– Давай!

Тильда взялась за холодную перекладину перед собой, поставила ногу на нижнюю. Лестница пошатывалась. «Она выдержала Якура, значит, выдержит и меня», – успокоила она себя и начала подниматься.

Сильные руки втянули ее на чердак, а затем опустили крышку люка, отрезав поток тусклого красноватого света, идущий снизу. Стало совсем темно. И холодно. Страх вернулся снова. Тильда мысленно отругала себя за безрассудство: «Зачем я сюда залезла? Мало ли что на уме у этого парня! И никто в интернате не знает, что я здесь! Вдруг он и есть маньяк? Порубит мое тело и спрячет в мешок, а потом вынесет через подвал и спрячет где-нибудь в снегу за забором. Волки растащат мои останки по всей тундре, и никто никогда их не найдет! Запишут в без вести пропавшие, и все. Какая же я доверчивая дура!»

Луч фонарика, вспыхнувший и заметавшийся во тьме, рассеял не только мрак, но и ее страхи. Якур отошел куда-то в сторону и вскоре вернулся с огромным тулупом в руках.

– Надевай. Здесь минус сорок, как на улице.

– А ты? – спросила Тильда, но, не дожидаясь ответа, сунула трясущиеся от холода руки в ледяные рукава.

– У меня еще есть. – Якур снова отошел и вернулся в пологом тулупе.

– А зачем тебе здесь столько одежды? У тебя бывают гости? – удивилась Тильда.

– Нет, обычно я здесь всегда один. Часто приходится сидеть подолгу, ждать подходящее время для камлания. Я тогда сразу два тулупа надеваю.

– Кам... Чего? – переспросила Тильда, услышав незнакомое слово.

– Камлание – это сеанс общения с духами. Я – шаман! – И добавил после паузы: – Будущий.

– Ого! Seriously?! – воскликнула она, однако слова Якура не столько потрясли, сколько насторожили ее, вызвав сомнения в адекватности нового знакомого. Кстати, они так и не

назвали друг другу свои имена, хотя она подозревала, что ему тоже наверняка было известно, как ее зовут. – Ты можешь говорить с духами?!

– Вообще-то еще только учусь, но бабушка сказала, что я родился шаманом и мой дар надо раскрывать. Вот я и тренируюсь тут по ночам.

Тильда заметила, что Якур держит в руках большую сумку вроде дорожной. Он заметил ее вопросительный взгляд и пояснил:

– Здесь у меня необходимые для камлания вещи. Если хочешь, можешь посмотреть, как я буду готовиться.

Тильда неуверенно взяла протянутый парнем фонарь и спросила с тревогой:

– Ты собрался общаться с дүхами прямо здесь?

– Нет, я поднимусь на крышу. Ну а ты можешь остаться и подождать меня, но, если пойдешь со мной, то сможешь их увидеть! Если, конечно, они пожелают взглянуть на землю, когда я буду играть на санквылтапе. Не бойся, эти дүхи не опасны. Они очень добры к людям, не то что подземные.

– На чем ты будешь играть? Сав... кын... – Тильде так не удалось повторить трудное незнакомое слово.

– Санквылтап – струнный музыкальный инструмент, его используют для камлания. Можно камлать и с бубном, он у меня тоже есть, но с ним получается слишком громко. – Якур опустил сумку на пол и, как фокусник, принялся извлекать из нее диковинные штуки, больше похожие на огромные странные игрушки из-за их яркой раскраски.

Бубен выглядел почти как обычный барабан, обтянутый желтоватой кожей. Верхний и нижний его диски были украшены изображением красного солнца с треугольными лучами, соединяющимися на боковой части. Якур несильно ударил в центр солнца изогнутой деревянной палкой, напоминающей большую ложку, и бубен завибрировал. Глухой звук удара перешел в длинный гул, тревожный и как будто о чем-то предупреждающий. Тильде показалось, что она ощутила дрожание воздуха, и по ее спине побежали мурашки.

– Выглядит круто! – похвалила она.

Парень просиял и, отложив бубен, вынул из сумки длинную доску, расписанную маленькими красными солнцами. Между заостренными концами доски были натянуты струны. Он коснулся их пальцами, извлекая мелодичные звуки, похожие на гитарные.

– Вот это и есть санквылтап. Бабушка сказала, что на нем играл мой отец и даже учил меня, но я тогда был маленький, не помню этого совсем. Помню, что играть меня бабушка научила.

– А где сейчас твой отец? – полюбопытствовала Тильда.

– Он умер, как и мама. Осталась только бабушка, она живет одна на кладбище.

– А почему на кладбище-то?

– Это древний обычай. А появился он после большой беды: давным-давно, когда бабушки еще на свете не было, злой демон вырвался из подземелья, где стояли чумы наших предков, и почти всех убил. Те, кто выжил, похоронили погибших родных на том же месте и сделали рядом жертвенник, чтобы задобрить демонов и вызволить из их подземного плена души убитых. Присматривать за кладбищем оставили одну женщину. Люди ушли кочевать по тундре, но привозили женщине еду и дары для жертвоприношения. Когда женщина умерла, на ее место назначили другую. С тех пор прошло много времени, и так очередь присматривать за кладбищем дошла и до моей бабушки. Однажды мои родители погибли на охоте, и тогда меня отправили жить к ней, но потом пришли люди из администрации района и забрали меня в интернат. Сказали, что я должен учиться. Тогда бабушка осталась совсем одна. Родственники иногда приезжают к ней, привозят еду и дары для демонов, но с каждым годом это бывает все реже. Многие забыли эту историю или перестали в нее верить. Некоторые переселились в города, захотели жить в цивилизации. Кочевников становится все меньше. А если не кормить демо-

нов, они снова вырвутся из-под земли, убьют бабушку и пойдут убивать дальше. Когда они злы и голодны, то могут убить всех на свете. Не веришь? Но это правда. Так бабушка говорит, а она никогда меня не обманывает. Поэтому я должен ей помогать. Я прошу небесных духов почаще смотреть на землю. Когда они смотрят вниз, из их глаз падает свет и прогоняет демонов обратно в их подземные норы.

– Невероятно! – Тильда, конечно же, не поверила ничему из услышанного, но легенда о небесных дѹхах ей понравилась. – И что, с неба, и правда, падает свет?

– Правда, правда! – заверил ее Якур. – Скоро сама увидишь!

Все это время, пока парень говорил, он доставал из сумки разные вещицы и теперь стоял перед Тильдой в причудливом костюме: на голове красовалась тряпичная повязка, с которой свисали красно-белые веревочные косы, скрывающие лицо; поверх тулупа была надета белая накидка, расшитая кусочками пушистого черного меха и красно-белой тесьмой с рисунком из ромбов и треугольников; санквылтап в его руках довершал образ северного шамана. Внезапно что-то выскользнуло из рук парня, блеснув в свете фонаря, и упало на пол с громким стуком.

– Что это?! – Тильда с ужасом уставилась на огромный охотничий нож, лежащий рядом с ее ногами.

Якур поспешно поднял опасную вещицу и спрятал в недрах своего многослойного наряда, объяснив при этом:

– Это память об отце. Я всегда ношу его с собой. Но это мой секрет. Если выдашь меня, нож отберут, а меня накажут.

– Не выдам, – произнесла Тильда не очень уверенно: вид острого длинного лезвия ее сильно напугал. Но она успокоила себя тем, что Якур совсем не похож на кровожадного убийцу. Для этого у него слишком простоватый вид, а в этом своем пестром маскарадном костюме еще и смешной.

Тильда не удержалась и потрогала веревочные «косы».

– Мне прямо не терпится увидеть небесных дѹхов!

– Тогда пошли. Держись за меня, чтобы не отстать.

И Якур повел ее куда-то. Слабый желтоватый луч света скользнул по пыльному дощатому полу, устланному какой-то трухой, клубами пыли и скелетами птенцов.

Металлические перекладины лестницы обжигали кожу рук так сильно, что у Тильды на глаза навернулись слезы. Хорошо, что эта лестница была короткой в отличие от той, что вела с площадки пятого этажа на чердак. Вскоре они с Якуром уже стояли на крыше по колено в снегу. Крыша была плоской, с такой нельзя соскользнуть и сорваться вниз, но Тильда все равно нервничала: с некоторых пор она боялась высоты.

С тех самых пор, как возненавидела кошек.

Они подошли к противоположному краю крыши, тонувшему во тьме: сюда не проникал свет фонарей со двора интерната. Тильда заворуженно уставилась вверх и замерла. Она никогда прежде не видела звезды так близко. Их было так много! Хотелось дотянуться рукой до низкого полярного неба, смахнуть густую звездную россыпь и устроить звездопад, а потом подставить сложенные ковшиком ладони и набрать полные пригоршни сияющих искорок.

Пространство наполнила тихая музыка. Тильда обернулась. Якур, усевшись прямо на снег, перебирал струны санквылтапа, низко склонив голову. Завеса из веревочных косичек дрожала и покачивалась перед ним, но вдруг взметнулась вверх, разлетаясь веером от резкого движения. Из горла парня вырвался протяжный звук, слишком странный для человеческого голоса, – казалось, в его груди завибрировала еще одна струна.

Тильде показалось, что воздух вокруг них всколыхнулся и покатился в бескрайнюю тьму расширяющимися кругами, как потревоженная вода, унося с собой звуковые вибрации. Внезапно чернеющую даль пронзил извилистый ярко-зеленый всполох. Он заскользил в воздухе, двигаясь подобно змее или горному ручью. Следом появился еще один, и еще, и вскоре небо

над ними сплошь покрылось длинными изумрудными лентами, сотканными из сияния, сгущающегося в местах изгибов, а по краям растворяющегося до полной прозрачности. Над горизонтом разлилось зеленое зарево и потянулось вниз тонкими иглами.

– Так это ж... северное сияние! – обернувшись к Якуру, вымолвила Тильда – беззвучно, одними губами, опасаясь, что даже малейший шепот способен разрушить разворачивающееся перед ней магическое действо.

Якура было не узнать, но Тильда не могла определить, что именно изменилось в его облике. На первый взгляд – ничего. Однако перед ней сидел совсем не тот забавный парнишка, который привел ее на крышу. Это был кто-то другой, даже не человек, а сверхъестественное существо, обладающее неземным голосом и колдовской силой, способной изменять пространство, той древней и вечной силой, которая разжигает и гасит вулканы, поднимает и умиряет бури, воздвигает горы и рвет землю на пропасти...

Шаман...

Тильда поняла, что не сможет остановить его сейчас, даже если завопит во все горло. Вряд ли это подействует на него сильнее, чем упавшая с неба снежинка. Девушка подозревала, что, даже если коснется или толкнет его, он этого не почувствует. Но, скорее всего, она не сможет и притронуться к шаману, пока тот не выйдет из транса. Она интуитивно ощущала вокруг него некое поле, сквозь которое была бессильна проникнуть.

Сколько времени все это длилось, Тильда не поняла. Она стояла и смотрела то на шамана, вселившегося в Якура, то на переливающееся зеленую ночное небо, и почти не дышала от счастья. Ей давно уже не было так хорошо.

Очень давно.

С тех самых пор, как она возненавидела городские парки.

И елки, которые там растут.

И бетонные дорожки под ними.

Музыка смолкла так же внезапно, как началась, и шаман мгновенно перевоплотился в Якура. Парень убрал инструмент в сумку, откинул с лица свой веревочный занавес и улыбнулся так, что его узкие глаза-щелочки превратились в черточки. «Наслаждается произведенным эффектом», – догадалась Тильда и насмешливо спросила:

– Ты считаешь, что вызвал северное сияние?

Мистическая аура рассеялась, и теперь девушка скептически воспринимала свои недавние ощущения, решив, что они были навеяны необычным гортанным пением и приятной музыкой, а свечение в небе началось в этот момент просто случайно. А может быть, парень знал по каким-то своим народным приметам, что оно вот-вот начнется, и решил таким образом произвести на нее впечатление.

– Я разбудил небесных духов, чтобы они присматривали за подземным злом, – невозмутимо ответил он.

– А почему летом духи не просыпаются? Я знаю, что летом здесь не бывает полярных сияний! – Тильда ожидала, что Якур растеряется, но он объяснил:

– Духи просыпаются. Просто летом полярный день и слишком светло, поэтому сияния не видно.

– Твои духи живут только над Северным полюсом, что ли? – не унималась она.

– Нет, они есть повсюду.

– Почему же тогда нигде в мире, кроме полюсов, не бывает полярных сияний?

– Нигде? – переспросил он и задумался. – Ну... наверное, потому что там нет настоящих шаманов. – Якур передернул плечами. Вид у него стал немного обиженный. – Не хочешь – не верь. Мне про духов бабушка говорила, а она никогда не врет.

Тильда подумала о том, что для его бабушки, всю жизнь прожившей в тундре, допустимы подобные заблуждения, но никак не для парня, почти окончившего среднюю школу. «Простачок!» – решила она, но промолчала.

И тут Якур произнес фразу, заставившую ее вздрогнуть:

– Демоны отравляют людей несчастьем. Тебя они тоже отравили.

– Что?! С чего ты взял, что я несчастна?

– Я видел горе в твоих глазах. Сейчас оно утихло, потому что над нами небесные духи, но когда они уйдут, горе снова начнет тебя мучить. Оно может тебя погубить.

– Да? И что мне делать? Может быть, ты спасешь меня своим заклинанием? – с ехидцей спросила Тильда, начиная злиться. «Да что он о себе возомнил?! Экстрасенс нашелся! Откуда ему знать про мое горе? Это просто совпадение, и все!» – негодовала она про себя.

– Заклинание помогает тем, у кого демон уже внутри. У таких людей в глазах черная злоба. Но в тебе этого нет. Демон не смог войти в твою душу, но отравил ее. Заклинание тебе не поможет. Только ты можешь справиться с ядом демона. Только ты сама.

– А противоядия нет? – Тильда скептически хмыкнула.

– Есть.

– И где продается?

– Оно не продается. Оно есть в каждом человеке с самого рождения. Это дар небесных духов, которым они наделили всех людей для защиты от демонов. Но не все люди умеют им пользоваться.

– И ты можешь меня научить?

– Нет. – Якур устало вздохнул. Казалось, он уже запутался в собственных объяснениях. – Небесные духи могут подсказать, как пользоваться даром, но их трудно услышать. Демоны шумят, чтобы заглушить их голоса.

– Никогда не слышала, как шумят демоны! – усмехнулась Тильда.

– Это тебе только так кажется, – загадочно ответил Якур, но, помолчав немного, пустился в объяснения: – Ты просто не замечаешь, потому что демоны очень хитрые и делают так, что люди принимают этот шум за что-то другое, знакомое и привычное. Но, если хочешь, я могу отвести тебя в такое место, где можно услышать их настоящие голоса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.